

[Polaris]

Осип Сенковский

МИКЕРИЯ

Нильская Лилия

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXIV

Salamandra P.V.V.

Осип
СЕНКОВСКИЙ

МИКЕРИЯ

НИЛЬСКАЯ ЛИЛИЯ

Salamandra P.V.V.

Сенковский О. И.

Микерия-Нильская Лилия. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 100 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXIV).

«Микерия-Нильская Лилия» ученого-ориенталиста, журналиста и писателя О. И Сенковского (1800-1858) — любопытная египетская фантазия, не переиздававшаяся более 150 лет. Глубокомысленные египтософские построения сочетаются в этой повести с вольтерьянским остроумием и пародийной наукообразностью. Издание сопровождается оригинальными иллюстрациями.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Как заметил некогда В. Каверин, повесть О. И. Сенковского «Мирия-Нильская Лилия», «без сомнения», почти никому не известна. Нет сомнений, что сегодня повесть известна еще меньше, чем в 1929 г., когда Каверин защищал диссертацию по Сенковскому, и в 1966-м, когда он выпускал вторым изданием свою книгу о «Бароне Брамбеусе». Настоящее издание призвано исправить это положение.

Повесть публикуется по первому изданию (Сто русских литераторов. Т. 3. СПб., изд. А. Смирдина, 1845). Отдельные опечатки исправлены по публикации в пятом томе собрания сочинений Сенковского (СПб., 1859, обл. 1858). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам с максимальным сохранением авторского стиля. В публикации сохранены оригинальные иллюстрации.

В приложениях опубликован отрывок из рецензии Сенковского на третий том сборника «Сто русских литераторов», опубликованной без подписи в т. 71 журнала «Библиотека для чтения» (1845), а также отрывок из книги В. Каверина «Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» (М., 1966).

В оформлении обложки использована картина В. Котарбинского.

МИКЕРИЯ
НИЛЬСКАЯ ЛИЛИЯ

МИКЕРІЯ
НИЛЬСКАЯ - ЛИЛІЯ.

Переводъ

ДРЕВНЯГО ЕГИПЕТСКАГО ПАПИРУСА,
НАЙДЕННАГО НА ГРУДИ ОДНОЙ МУМИИ ВЪ ФИВСКИХЪ КАТА-
КОМБАХЪ.

БАРОНА БРАМБЕУСА.

СЪ ПОДЛИННЫМИ ЕГИПЕТСКИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПРИМЕЧАНИЕ

Любопытные рисунки, которыми это небольшое сочинение украшено, составляют не только его типографическое украшение, но, может быть, и все внутреннее достоинство. Лучше всяких слов, могут они дать читателю понятие о древнем египетском обществе, его религии, искусствах, домашней жизни, одежде, утвари, обычаях, увеселениях. Все эти рисунки сняты на месте, с фивских памятников, с сохранением подлинного стиля. Тот, чье имя подписано в конце папируса, представляет его читателям не как рассказ, достойный их внимания по своему содержанию, но только как легкий и, по самой уже форме своей, очень скромный этюд египетской древности, где знаменитая *египетская мудрость*, или сокровенная философия народной веры, должна по необходимости занимать первое место.

МИКЕРИЯ

Нильская лилия

Перевод египетского папирусового свитка, найденного на груди одной мумии в фивских катакомбах

Начало свитка, положенного на грудь бранным останкам лунолюбимой великой царевны Микерии-Нильской-Лилии, дочери покойного солнцелюбимого, мудрейшего царя Амосиса, Фараона, сиречь — земного солнца, прямого истечения Солнца небесного; равного ему по чистоте и святости существа; друга богов; светила и наставника людей; блюстителя веры и закона; могущественного обладателя Верхнего и Нижнего Египта, Нубии, Мерои, Эфиопии, Ливии, Сирии, Малой Азии и всех известных и неизвестных стран мира, земель, городов, гор, пустынь и морей, да сольется душа его как можно скорее с Душою мира. А сочинено содержание того свитка святейшим и мудрейшим великим жрецом главного фивского храма, Гамоном, по чистой совести и по точной форме, предписанной мудрецами, да возвеличится сан его на земле и на небе. А писан тот свиток недостойною рукою грешнейшего и глупейшего главы царских писцов, Ребофтенеба, да простятся ему все описки и недописки. А разрисован неподражаемою кистью придворного живописца, Копуниса, посвященного в тайны заветной мудрости и глубоко изучившего все неисповедимые символы богов, все деяния людей и разум животных. В год от первого вещественного проявления Осириса 117293-ий, месяца апофи в 14-ый день.

До начала вещей*, было Пространство. Пространство было слито со Тьмою и Молчанием. Эти три перво существования, источник всего, составляют первую и самую таинствен-

* Большая часть папирусов, находимых в мумиях, начинаются, после обыкновенного предисловия, подобною этой исповедью лжеверы древних Египтян. Но только у лиц царской крови и жреческого сословия,

ственную триаду, или тройню бытия, которая у мудрецов именуется «Неисповедимое три». Кто понял Пространство, Тьму и Молчание, тот постиг все. Пространство, Тьма и Молчание — первая *единица*, три бытия, заключавшиеся в

то есть, у лиц, посвященных в Таинства, исповеди эти представляют более или менее подробное изложение заветной *египетской мудрости*, служившей сокровенным основанием религии Гермеса Тревеликого: у простых смертных, у темного народа или *предхрамной* толпы (*profanum vulgus*), они содержат в себе одни народные легенды о богах, известные под общим именем «мифологии», или *преданиесловия*, по которым, разумеется, о сущности древних языческих верований судить невозможно. При этом случае необходимо сделать общее предварительное замечание. В сокровенной «мудрости», все *бытия* (*ens*), а в предхрамной или народной вере, все *боги* (*deus*), были разделяемы на триады, или *тройни*. Каждый храм посвящался трем богам, одному главному и двум младшим, которые в мудрости Таинств все трое выражали одну какую-нибудь идею, состоящую из главного бытия, главной силы или *причины* (первый бог), ее *действия* (второй бог, обыкновенно богиня, супруга главного бога), и их *произведения* (третий бог, сын или дочь предыдущих). Этой системе деления следовало не только египетское, но и греческое язычество: два младших бога назывались в просторечии сохранными богами, *synnaioi theoi*. Тройня богов, изображенная в начале папируса, — *Амон-Ра* (Невидимое солнце, эфир, Юпитер), — *Маут* (сила, творящая формы, главное свойство эфира, другими словами, жизнь, мать всего, Юнона), — и *Хонсо* (природа, творение, Веста), — составляли великую триаду Фив Египетских. Почти каждый город поклонялся другой триаде, которая, впрочем, всегда выражала ту же основную идею язычества, только в других видах и под другими названиями. Как речь идет здесь о знаменитой «мудрости» египетских жрецов, которая возбуждала в древних такое удивление, то кстати заметим еще, что *мудростью*, *sapientia*, называли они именно то же, что мы теперь называем *философией*. Разница между египетскими и греческими философами состояла преимущественно в том, что те были вместе и жрецы, а другие только ученые миряне, не осмеливавшиеся, особенно после Сократа, даже издали касаться символов веры и предметов, принадлежавших к Таинствам. О бытиях (*entia*), единицах, триадах, числе, атомах и прочая, они рассуждали только как о философических отвлеченностях, не показывая связи их с господствующей религией.

одном нераздельном бытии. На ней основана вся мудрость,

Амонъ-Ра.

Мауть (Изда).

Хонсо.

или вера избранных. Храм — Пространство, мудрость — Тьма, Молчание — тайна, первое условие мудрости. Для предхрамной толпы, Пространство выражается символом *Serapis*, изображением человеческого существа (бытие) с головою священного быка Аписа (чистота), шаром между рогами (мир) и прочими эмблемами, которых глубокий смысл известен только мудрейшим и благочестивейшим. Тьма, для толпы, именуется — невещественная, *Буто* (Латона), а вещественная, *Бубасту* (Геката, ночь). Молчание первоначальное, несозданное, принадлежность духа, есть *Ароэри*, а Молчание таинств, принадлежность мудрости — *Гарнократ*, которого символ — ребенок с пальцем на губах. Но

Пространство, Тьма и Молчание — великое Одно в трех видах.

Серапсѣ.

Ароэри.

Пространство было также и Временем. Время содержалось в Пространстве: оно было неразвитое и неразличное, и этому виду Времени в символах дано имя *Сер* (Кронос, Сатурн), а иногда зовут его и *Серапис*, так же, как и чистое Пространство, потому что древние мудрецы часто соединяли Время и Пространство в одно бытие и говорили «Пространство-Время». Сущность Времени та же, как и сущность Пространства: оно состоит в Мере. Это бытие (Мера) названо *Нетпе* и изображается таинственной фигурой женского пола, в просторечии — богиней. Сущность же Меры — Число. Число — разум Времени и Пространства. Число — первобытный, несозданный, самосуший Разум, *Осири*, закон всего творения. Разум — сын Пространства-Времени и Числа. *Осири* (Озирис, Юпитер), сын *Сера* (Сатурна) и *Нетпе* (Реи). Единица — дух всякого числа: все числа содержатся в единице, как единица содержится во всех числах. Но Время,

Число и Разум — великое Одно в трех видах. Вторая *единица* *.

Единица — все. Единица — бесконечность. Единица — добро. Единица — определенность, неизменность, справедливость, истина. Единица — прямая линия, круг и квадрат. Единица — ровное, истинное, верное, ясное, светлое, приятное. В ней же заключается начало двойственности, число 2, двойня. Двойня — конечность, изменчивость, несправедливость, ложь, кривая линия, эллипс, неровное, неверное, неблагополучное, зловещее, ссора, война, супружество, нужда, страсть, грех, смерть, мрак, зло. Единица, самосуший Разум, Озирис, как начало добра, имеет символом Гор-Гата (Агаофдемона), а как источник двойственности и зла именуется *Тифоном* (Какодемон). Зло и добро соединены в Разуме, который состоит из соображения и сочетания зла с добром, и, в символах, Тифон считается братом Озириса, вечно посягающим на его жизнь и однажды умертвившим его на земле. Толпа ужасается его под именем злого духа, не понимая, что злой дух — число 2. Но в мире ничего не может существовать без Тифона, без примеси зла, без числа 2, потому что $1 \text{ да } 2 = 3$, а три — совершенство, треугольник, красота, благоустройство, мир, жизнь, радость, вечность.

В самосущем Разуме, *Осири*, заключалась и самосущая Воля, *Иси* (Изида, сестра и супруга Озириса)**. Разум и Во-

* Озириса редко изображали в отдельном символическом виде, а имени его не произносили никогда, из благоговения перед самосущим Разумом. Где встречалось это имя в писаниях, там читали — *уро*, царь. Поэтому и Геродот, принятый в Таинства египетской мудрости, упоминая об этом боге, говорит всегда: *тот, чьего имени я не смею произнести*. В изображениях, символы Озириса обыкновенно заменялись символами Амона-Ра, Сераписа и других богов, почитавшихся его особенными видами.

** Изображение Изиды — то же, что изображение богини *Маут* в фивской триаде, при начале папируса. *Маут* значит — мать. Любовь, произведение Разума и Воли (дочь Озириса и Изиды) изображалась различно. Обыкновенно имела она тот же символ, как и Красота, *Атор* или Иси-Атор (Афродита, Венера). Как «красота» и «мир» (*kosmos*)

Тифонъ.

ля соединены были Любовью. Любовь из них образовалась и связала их навсегда. Разум — отец, Воля — мать, Любовь — чадо. Но Разум, Воля и Любовь — великое Одно в трех видах. Третья *единица*.

Отец — Сила творческая, мать — Вещество, чадо творческой силы и вещества — Красота или Мир, Мир-краса (*Kosmos*). Вещество заключалось в Разуме, в числах, в единице. Без вещества, Число и Разум не могли бы существовать. Первобытное вещество добровольно развилось из Разума и наполнило собою Пространство, которое с того времени стало вещественным, приняв вид первобытной и неисповедимой Красоты. Вещество это — вездесущий эфир, тончайшая из тончайших и чистейшая из чистейших мате-

назывались одинаково и, в мудрости, принимались за однозначные слова, то изображение Любви и Красоты мы увидим сейчас, при речи о мире. Любовь представлялась в образе женщины с головою коровы Атор, а Красота в виде птицы с женскою головою: обе вместе означали *мир-красу* (*kosmos*), который выражен шаром, поставленным между рогами, знаменем Разума, как силы и оружия головы.

рия, из которой все образовалось через различные степени сгущения и принятие разнообразных форм. С тех пор Чис-

Аторъ (Любовь и Красота).

ло пришло в действие, стало Душою мира, отцом всего творения, Вещество стало жизнью и матерью, *Маут*, и явилась Природа, *Хонсо**. С той минуты и считается первое проявление Озириса и Изиды. Эфир, как основание Числа и Душа мира — Озирис. Эфир, как материя, подверженная действию Числа и его творческой силе — Изиды. Эфир, как вещество, принявшее формы посредством чисел — Природа (*Хонсо*).

Прежде всего, эфир сгустился в центре пространства и образовал солнце; тогда-то вдруг объявились и главные

* Третье божество, изображенное при начале в фивской триаде.

свойства эфира: свет, теплота, огонь и живительная сила, изображенные мудрецами в виде различных символов и проданные почитанию толпы под названием разных бытий или богов. Остальная часть эфира осталась безвидно разлитую в пространстве и, в мудрости, именуется *Амон-Ра*, Невидимым Солнцем. Пространство, занятое в центре

Амонъ-Ра.

видимым и наполненное повсюду Невидимым Солнцем, которое по существу то же, что и видимое, приняло форму шара и выражается отдельным символом. Невидимое Солнце, одно, как Душа мира, получило в храмовых триадах различные изображения: в древнейшем и святейшем из всех, фивском, оно представлено в виде бытия (человека), сидящего на престоле, с царскими перьями на голове, и смысл

приданных ему подробностей неисчерпаем. Видимое Солнце, одно, представляется в образе Горуса (феба).

С течением времени, в разных местах мирового шара последовали новые сгущения Невидимого Солнца или свободно разлитого эфира, из чего возникли планеты, Земля, Луна и все, что на них находится. Как мировое пространство — шар, у которого нет твердых пределов, то Земля не может ни на чем покоиться и ни на что опираться. Она по необходимости такой же шар, как видимое Солнце, и плавает в шарообразном пространстве. Свойство эфира как единицы — круг: поэтому и плавание Земли в невидимом Солнце круговое. Оно совершается около видимого Солнца. Земля, подобно планетам, течет вечно вокруг него, как Луна вечно обтекает Землю. Не находя нигде опоры, каждая точка поверхности земного шара находится также в круговом движении около его центра: отсюда возникает обращение Земли на ее оси. Ночь и день происходят от этого обращения, а времена года зависят от положения Земли на пути ее вокруг видимого Солнца. Каждая звезда на небе — отдельное видимое Солнце, подобное нашему и так же окруженное своим невидимым Солнцем, в котором плавают свои планеты, свои земли, свои луны. Это — высочайшая и самая заветная точка человеческого знания, до которых достигли благочестивые мудрецы наши созерцанием дивных свойств эфира. Она открывается только царям, их детям и первостепенным жрецам. Никому из чужестранцев или Варваров, достаиваемых посвящения в сокровенную мудрость, не позволено сообщать столь высокой тайны, потому что ум их не в состоянии возвыситься до таких неисповедимых истин и невежество этих нечистых дикарей способно только осквернить святость великого учения*.

* Несмотря на этот закон, Пифагор вывез из Египта в Грецию заветное учение жрецов-философов о шарообразности Земли, обращении ее на оси и течении около Солнца, вместе с замысловатым предположением, что всякая звезда — отдельное солнце и центр особенной планетной системы. Но египетская мудрость, всегда питавшая к Грекам сильное отвращение, предугадала судьбу своих выводов в руках нечистых ди-

Шар мирового пространства разделяется плоскостью великого круга, проходящего через центр видимого Солнца, на две половины, — на верхний мир, в символах, «царство Изи́ды», жилище богов, — и нижний мир, в символах «царство Ози́риса», жилище духов. Этот великий круг, которого плоскость дважды в год проходит через центр Земли, мудрецы выразили таинственной фигурой *Анубиса* (Меркурия). В символах принимается несколько Анубисов, по числу великих кругов мира*. Один из самых важных — круг, проходящий через центр Земли и центр видимого Солнца дважды в сутки, о восходе и о закате (Горизонт). Плоскость этого круга также рассекает шар мирового пространства на верхний и нижний миры. Эти два мира попеременно бывают то светлые, то темные, обнаруживаясь в виде дня или в виде ночи, отчего и говорится, что царство Ози́риса (Юпитера, дня) и царство Изи́ды (Юноны, ночи) меняются, и что эти два бытия или боги — брат и сестра. Луна, как светило ночи, принадлежит, поэтому, к символам Изи́ды (Юноны) и часто выражается ее фигурой. Круг, производящий это явление, наречен *Анубисом-Душеводом* (*Mercurius Psychopompus*), потому что Горизонт — всегдашняя граница между днем и ночью, между светом и мраком, а мрак — ад, *Аменты*, куда нисходят души после кончины тела, чтобы предстать перед суд Ози́риса. Вот как приходил Анубис-Ду-

карей: они не в состоянии были понять солнечную теорию Гермеса Тревеликого; шарообразность и движение Земли сделались для них предметом насмешек над Пифагором и его последователями. Между тем, любопытно видеть нынче, в царствование теории всеобщего тяготения, как египетская мудрость, опираясь совсем на другую гипотезу, именно, на свойства предполагаемого Невидимого Солнца или эфира, и на сущность единицы, которая не что иное, как круг, дошла без притяжения и без тяжести до результатов, прославивших впоследствии Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона. В самом деле, шарообразность и двойное движение Земли проистекали очень логически и просто из их понятия об эфире, числах и геометрических фигурах. Учение Египтян об *Анубисе* (экваториальном круге мира) происходит необходимо из тех же идей и ведет опять к тем заключениям.

* В греческой мифологии считали пять Меркуриев.

шевод к царевне Микерии-Нильской Лилии, когда набальзамированные останки ее лежали в тереме на золотом престоле, чтобы взять ее чистейшую душу, вылетавшую из тела в виде первобытной Красоты (богини *Атор*) и отвести в Аменти.

Мумія. Ея душа. Анубисъ.

Как мировое пространство — шар Невидимого Солнца (эфира), а видимое Солнце — сгущение того же Невидимого Солнца в центре этого шара, то круг Горизонта не мог бы дважды в сутки проходить через центр видимого Солнца и Анубиса-Душевода не существовало б, если бы Земля не обращалась на своей оси, точно так же, как не было бы лета и зимы, если б Земля, плавающая в эфире Невидимого Солица, не обтекала его видимого и блестящего центра. Чудеса Озириса (самосущего Разума) неисповедимы!... Все

кружится около Солнца, этого торжественного центра бытия, — Земля, планеты и кометы; все ему повинует, все составляет нераздельную часть его. Солнце везде, во всем и все*. Видимо или невидимо, оно присутствует повсюду и всем управляет. Мы живем в Амоне-Ра (в шаре Невидимого Солнца, в шаре эфира, имеющем светлый центр, называемый Солнцем видимым или вещественным). Мы частички — Солнца-Эфира, пылинки его света, преображенные искорки его теплоты, из него проистекаем и к нему возвратимся. *Все из эфира, и все в эфир разрешится*. Эфир в спокойствии — мрак, молчание и холод; эфир в движении — свет, теплота, звук и воздушный огонь (электричество; громы Юпитера). Всякое существо, человек, животное и растение, всякое ископаемое тело — истечения и различные превращения его материи, и мудрость состоит в том, чтобы определить, в котором из живых существ или мертвых тел она чище и благороднее, а в котором более преобладает примесь зла; которое из них святее, а которое отверженнее; что в ряду создания можно любить и должно почитать, а чего гнушаться, как скверны и неблагополучия. Мудрецы с точностью разобрали все это, и, отделив тех животных, те растения и минералы, которые образовались из лучших свойств эфира и сохраняют в себе вещество Солнца в самом чистом виде, назначили их служить эмблемами этих свойств или бытий, и предписали предхрамному народу уважать в них представителей различных богов**. Солн-

* В греческих переводах : helios en pasi kai dia panton.

** В этом понятии об образовании всего из более или менее чистого эфира заключается образование и начало очищений и религиозных почестей, которые воздавались Египтянами разным животным, растениям и минералам: между последними, золото признано было самым чистым видом эфира в твердом состоянии. Здесь также и начало *хемии*, аль *химии*. Это слово происходит от *Хеме*, коренного названия Египта, и значит собственно — *египетчина*, то есть египетское учение об эфире. Логическое следствие этого учения очень просто: как скоро все — эфир, только с большею или меньшею примесью нечистоты, то, найдя средство отделить нечистую примесь, все можно превратить в золото. Египетские мудрецы впоследствии этим и занимались. Ахемия, рели-

це само руководствовало ум наших мудрецов в этом разборе, потому что душа святых людей состоит из чистейшего эфира и они рассуждают разумом, скрытым в этой душе мира. Солнце, поэтому, произвело мудрость, открыло людям науки, искусства, музыку и всякое знание, и мы почерпнули их прямо из его повсеместно разлитого существа, которым и живем и думаем. Этому свойству Солнца поклоняемся мы в таинственном образе изобретателя наук и искусств Тота (Аполлона), которого исследовательный гений выражается головою мудрой, расторопной и чистоплотной птицы ибиса.

Тотъ.

Озирис, как творческая Сила, произвел человека, как Число, постановил для него закон возрастания, зрелости и старости, как чистейший эфир и Душа мира, дал ему душу из своего существа, как Свет, наделил его способностью различать добро и зло, чистое и нечистое, полезное и вредное, как Единица и Справедливость, указал на путь истины, и как Разум, судит душу каждого из нас после смерти тела во мраке (в аду, *Аменты*).

Смерть и разрушение — следствие двойственности пола в человеке. Смерть — исчадь злого Тифона. Но она не имеет власти над чистейшею частицею бытия нашего, душою. Душа принадлежит прямо Озирису, и если она осквернена грехом, то не мо-

гиозные почести разным животным, растениям и минералам, и метемпсихоза, или *передушевлевием*, то есть душепереселение, проистекли из одной и той же старинной философической идеи, живущей донныне в философиях индийской, китайской и тибетской.

жет тотчас соединиться со всечистейшим существом его. Она

Смерть.

должна возвратиться на землю и может найти себе место только в грубом веществе одной из нечистых и отверженных тварей*. По своему милосердию, Озирис позволил ей

* Новейшие писателя обыкновенно приписывают Египтянам честь первого между язычниками исповедания бессмертия души. Но из этого учения мы видим, что Египтяне могли иметь только весьма сбивчивое понятие о высокой истине бессмертия и о сущности души вообще. Как и прочие язычники, они не постигали духа отвлеченно: самосущий Разум их пребывал в самой материи, и душа, по этой «мудрости», не могла составлять бытия чисто духовного, но была только частицей эфира, Озириса или Юпитера, чем-то полу-духовным и полу-вещественным, точно так же, как и у Греков.

постепенно повышаться от самых презренных до самых благородных и священных животных и, таким образом, совершить свое очищение. Если ей посчастливится вступить наконец в тело чистейшего быка Аписа, эмблемы Озириса, или таинственной коровы Атор, представительницы беспорочной красоты Изиды, она может перейти оттуда в тело человека мудрого, добродетельного и святого, которого

Корова Аторъ.

жизнь чиста, как самый эфир. Тогда только способна будет она слиться окончательно с существом Озириса, сделаться снова светом в его свете и блаженствовать в нем его блаженством. Таков непреложный закон самосущего Разума, открытый Гермесу Тревеликому. Все наши усилия, вся наша мудрость должны стремиться к тому, чтобы, посредством усовершенствования нашей природы созерцанием и благочестием, человечество освободилось от страшного закона душепереселения; чтобы души наши могли прямо, после смерти плоти, сливаться со всечистым существом Озириса или, по крайней мере, переходить всегда в тела святых людей, и таким образом мы достигали бы бессмертия

на Земле. Тогда человек поборет силу природы и будет равен богам. Тогда он будет Гом!*

* То есть Геркулес. Идея о Геркулесе была, собственно, идея о человеке, который, посредством своих совершенств и добродетелей, мог прямо слиться, весь, с существом Юпитера, эфиром, чистейшим и тончайшим вещественным началом, пополняющим вселенную; который, следственно, уже на земле был равен эфиру и всем его свойствам, то есть равен Юпитеру и всем богам. Греки выражали это словом *isotheios*, *равнобожный*. На этом коренном начале язычества, леств впоследствии воздвигала храмы и отдавала божеские почести многим царям, Птоломеям и Цезарям, объявляя существо их равным, по чистоте и совершенству, существу богов, эфиру. Она делала из них просто Геркулесов. По некоторым языческим учениям, Геркулес мог достигнуть на земле таких совершенств, что, слившись потом с эфиром, составлял самую благородную часть его, становился чистотою выше всех бытий, выше самих богов, покорял их своей воле и овладевал управлением мира. Таковы, в особенности, были тирский Геркулес (Мелькарт, что значит — *царь земли*) и знаменитый Геркулес Скифский, то есть готский, У-ден или О-дин (*неумирающий человек*). Греки и Римляне, не принявшие переселения душ, несколько иначе понимали Геркулеса: дошедшие до нас легенды об его совершенствах и подвигах не представляют ничего созерцательного, но по народным сказкам, подобранным поэтами в грубых или развратных умах толпы, как мы уже сказали, не должно судить о началах веры. Настоящее древнее учение о Геркулесе, которое, по свидетельству греческих и римских писателей, принадлежало к *самым сокровенным таинствам веры Египтян*, источника всех вер языческих, существует и доныне на лице земли, именно, у народов, допускающих, подобно фивским и мемфисским богословам, переселение душ или *tempsychois*. Будда ламаитов не что иное, как Гом, Геркулес: достигши полного совершенства посредством созерцательного благочестия, он слился прямо, без душепереселения, с существом Души мира и, по мнению буддистов, правит теперь Вселенною, подобно скандинавскому О-дину, Неумирающему или бессмертному человеку, который получил было то же самое место на небе, но за совершенства другого рода, за добродетели, более, чем созерцательное благочестие, понятные северным дикарям. Далай-ламы и хутухты — люди, достигшие бессмертия на земле посредством перехода их душ из одного святого тела в другое и освободившиеся от самого тягостного закона душепереселения, подвергающего душу за грехи переселяться в животных, — цель, к кото-

Но мало того, что душа очистится переселениями по суду Озириса и сольется скоро или поздно с существом вездесущего Невидимого Солнца: тело, в котором она обитала, осталось на земле; оно, как истечение и превращение того же эфира, должно также слиться с ним и в нем иссякнуть при скончании мира. Но как может совершиться это, когда тело осквернено грехами? На последнем общем суде, неутомимый Озирис потребует отчета у каждого атома нашего тела: от ока его не скроется ни малейшее пятно скверны на малейшей частичке некогда жившей плоти. Нечистые тела должны будут пребывать целые сотни тысяч лет в страшном огне, скрытом в существе Невидимого Солнца, и не прежде сольются с ним, как достигнув чистоты золота, совершеннейшего из всех видов отвердевшего эфира. Атомы самого чистого, самого безгрешного тела, предоставленного тлению, могут перемешаться с остатками тел нечистых и оскверненных и оскверниться от одного прикосновения с ними. Поэтому древние мудрецы мудрейшего из всех народов нашего и наказали — предохранять тела умерших от тления надлежащим бальзамированием посредством земной смолы *мумии*, которая стораает от огня вся дочиста, не производя ни дыма, ни угля и, следовательно, составляет один из чистейших видов эфира в жидком и густом виде; запирать в три сикоморовые негниющие ящика, огражденные от злых духов изображением Озириса или Изиды на наружной крышке; и заключать их в плотные пирамиды, в креп-

рой стремилась и «египетская мудрость». Идеи, как бы они странными ни казались, не так-то легко исчезают в человечестве: они принимают только другой вид, подвергаясь бесконечным превращениям, но живут вечно. Их можно отыскать всегда, хорошо поискавши. Ключ к древним языческим Таинствам явственно лежит в философиях буддистов, брахманов и конфуционистов, ключ, до сих пор не тронутый, хотя один из отличнейших в Европе критиков-филологов уже четверть столетия тому указал на него истинно с гениальной проницательностью всем исследователям древности. См. *Les Mystères d'Eleusis*, par S. *Ouvaroff*.

кие мавзолеи и лабиринты, в неприступные подземелья и другие чертоги загробной жизни. Тело, оставленное душою, которая между тем очистилась и иссякла в эфире, Душе мира, глупо и безмолвно: отчета в действиях своих оно дать не может; вот почему мудрецы благословенной земли Хеме*, которые все предвидели, советуют класть в ящик, на грудь бальзамированному телу, верное описание всех действий его при жизни, начертанное благочестивыми и чуждыми лжи жрецами, с тем, чтобы останки бывшего человека могли в день общего суда представить этот документ Озирису, на его рассмотрение и благоуважение, вместе с молитвами служителей святых жертвенников. Да не коснется же ничья святотатственная рука этого заветного папируса под опасением гнева Невидимого Солнца и проклятия во всех храмах его. В книге «Прорицаний Тревеликого Гермеса» сказано, что через сорок столетий приидут в Египет с дальнего севера дикие люди, одетые обезьянами, и станут разрывать наши пирамиды, лабиринты и гробницы, и дерзнут похищать мертвые тела сынов и дочерей земли Хеме, и будут торговать их неприкосновенными останками, с особенною жадностью выдергивая из мумий папирусы и — мало этого — бессовестно хвастая, будто они, безграмотные, безиероглифные, умеют читать наши таинственные писания. Проклятие им! проклятие! проклятие!

Великий Озирис! присоедини душу благочестивой поклонницы твоей, царевны Микерии-Нильской Лилии, прямо к твоему чистейшему существу, не подвергая ее пытке душепереселения, и будь милостив на последнем суде к покоящемуся здесь праху ее, приняв в уважение настоящее свидетельство верных жрецов твоих о земной жизни этой драгоценной плоти.

Лунолюбимая царевна Микерия родилась, по храмовому счислению, в 117275-м году, месяца аменофа в третью ночь, от мудрых родителей своих, солнцелюбимого покойного царя фараона Амосиса, и лунолюбимой, ныне вдов-

* Египта.

ствующей, царицы Исимеи, обладателей Верхнего и Нижнего Египта и всех известных и неизвестных стран мира.

Царь Амосисъ.

Царица Исимаи.

В ту же ночь, красота ее засияла так величественно, что весь Египет озарился как будто светом двух лун, и на следующее утро, созванные во дворец первостепенные жрецы стовратных Фив одногласно решили, что новорожденная — прямое истечение Луны и состоит из чистейшего существа Изида: почему и наречена она Нильскою Лилиею, по названию цветка, более всех любимого великою богинею. Мудрый царь фараон, земное солнце, повелел объявить народные увеселения по всему государству, и свет душевно радовался три недели новой милости, явленной земле бессмертными богами. К воспитанию царевны определены были благоразумнейшие женщины из священного сословия,

под надзором мудрейших жрецов*. Вскоре ум ее начал развиваться с таким же блеском, с каким развивались необыкновенные прелести, до того, что на пятом году возраста она уже желала умереть, постигая все ничтожество земной жизни и все счастье разрешиться как можно скорее в эфир, существо Озириса. В эти ранние лета, когда другие дети думают только об игрушках, она уже начала строить себе крепкий и недоступный чертог загробной жизни, пирамиду, в которой нынче и покоятся ее останки. Царь Амосис был очень мудр и очень скуп: бесконечные подземелия его Лабиринта были наполнены золотом, серебром, алмазами и яхонтами; царь каждое утро ходил туда любоваться на свои несметные сокровища, но детям своим денег не давал. Сам царь, по древнему обычаю, со дня восшествия на престол приступил к сооружению огромной пирамиды для своего священного тела; но, чтобы не тратить на это денег, придумал обратить в свою пользу всякую вину министров и вельмож государства: тот, кем царь фараон, земное солнце, изволил быть недовольным, не иначе мог искупить свою вину или ошибку, как поставив на свой счет для его пирамиды известное число огромных и уже совершенно обтесанных камней определенной меры. Покойная сестра царя, царица Нефта**, за скупостью брата, должна была

* Все дети египетских царей были воспитываемы жрецами и все посвящались в тайны заветной храмовой мудрости, потому что и сыновья и дочери равно могли получить верховную власть, а царствующее лицо было вместе и главою религии. Царевичи и царицы проходили все степени Таинств до последней, которая открывалась только тому, кто вступал на престол, и не прежде как по вступлении.

** В этом портрете царицы Нефты замечателен, в особенности, головной убор: кроме собственных волос, которые видны около лица, царица, как кажется, носила еще накладные волосы, покрывавшие ей всю голову бесчисленным множеством тоненьких косичек, придерживаемых вверху золотым филигранным обручем, а пониже широкою узорчатою лентою. Косички оканчиваются завитыми кудрями. На маковке виден цветок нильской лилии (lothus). На груди носит она богатое ожерелье, украшенное драгоценными камнями и финифтью.

положить такую же подать на своих бесчисленных обожателей: молодые вельможи и воины, добивавшиеся до ее благорасположения, за каждое снисхождение к их нежным желаниям обязаны были выставлять для ее пирамиды по

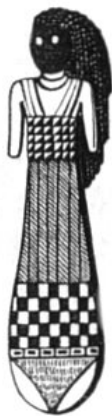

Царевна Нефта.

одному обтесанному камню длиною в сажень, а шириною и вышиною в полтора аршина: из чего, в течение десяти лет, составилаь одна из крупнейших пирамид во всем Египте. Такой мудрой царевны, поистине, еще не бывало в нашей земле со времени объявления закона Гермеса Тревеликого!..* Маленькая царевна Микерия, подражая, по мере сил и возможности, набожному примеру лунолюбимой тетушки, начала менять свои игрушки на камни для будущей гробницы: министрам, полководцам и вельможам, являвшимся во дворец на поклонение земному солнцу, она, с несказанною прелестью, своими крошечными руч-

* Этот веселый способ набирать камни для пирамид Геродот приписывает другой египетской царевне.

ками совала за пазуху мячики и прекрасные куклы*, которые каждое утро дарил ей солнцелюбимый папенька, и так мило говорила — «Привези мне за эту куклу пару хорошеньких камней для моей пирамиды!» — что никто не мог

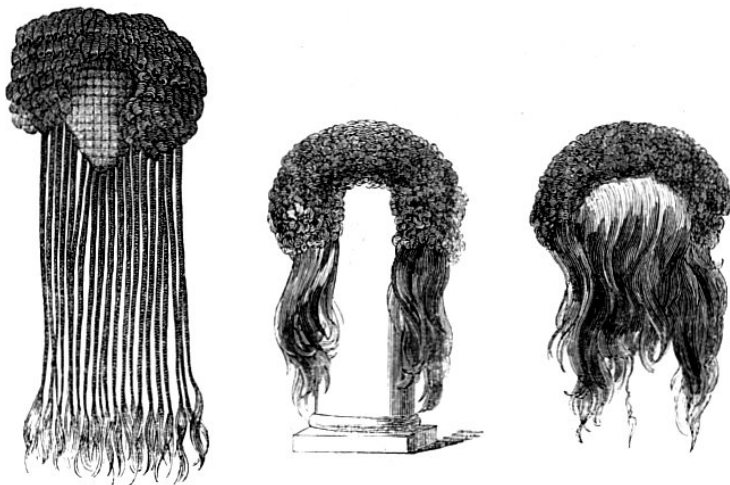

отказать ей в этом удовольствии, особенно видя, как царь Амосис отличал тех, которые старались удовлетворять прихоти его остроумной малютки. Нередко, сидя на коленях родителя, в очаровательной шалости своей стаскивала она парик** с лучезарной головы земного солнца и дарила его

* Куклы эти находятся теперь в Берлинском Египетском Музее. Глаза у них были стеклянные, очень искусно сделанные. У правой куклы, которой одежда истлела, члены двигались на пружинах, как в нынешних куклах. Мячик хранится в Британском Музее.

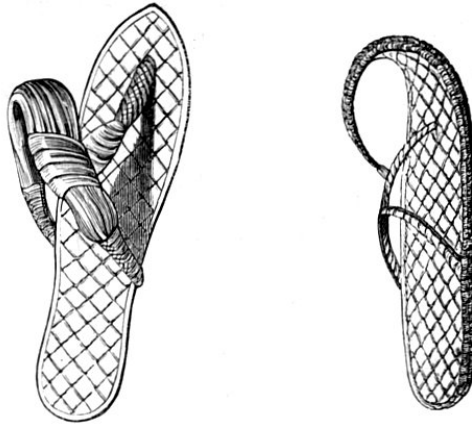
** Средний рисунок представляет вид древнего египетского парика спереди, а по левую сторону страницы, тот же парик обращен к зрителю заднею своей частью. Этот парик находится теперь в Берлинском Музее. Распущенные волосы были некогда завиты буклями, и в этом виде парик царя-фараона чрезвычайно походил на парик Людовика XIV. Как стары изобретения, которые мы почитаем мимолетными выдумками но-

главному воеводе или царскому наместнику с условием поставить ей на свой счет материал или работников; и как царь снисходительно позволял получавшему подобный дар носить его на собственной голове при всех торжественных случаях,

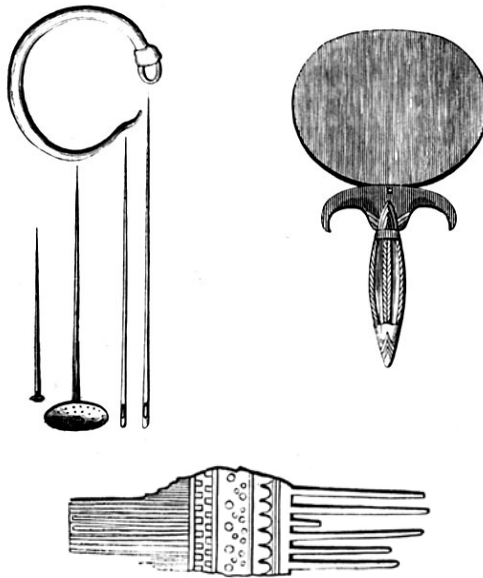

то, за такое отличие, не было сановника, который бы охотно не разорился для царевны. Таким же образом иногда и священные туфли царя Амосиса переходили с его светлых ног на темные ноги искателей придворных милостей. Когда маленькая Микерия не находила вокруг себя родительских вещей, она раздавала на память богатейшим царе-

вейших мод! Сколько раз человек возвращался к одним и тем же идеям или глупостям, полагая каждый раз, что он создает небывалое! Формы древней египетской мебели, особенно кресел и стульев, совершенно похожие на нынешние, *изобретенные Гамбсом*, который вовсе не антикварий, — конечно, покажутся еще более поразительными. Вообще, рисунки этого папируса могут удостоверить внимательного наблюдателя, что все на свете старо, как самый свет, а ново только то, что было хорошо забыто.

дворцам, свои серебряные зеркальца, золотые гребенки, серьги и шпильки, булавки, иголки и прочая*, и за каждую подобную безделицу пирамида ее получала какое-нибудь

* Эти предметы принадлежат нынче лондонскому музею. Гребенки, превосходно отделанной, найден только обломок в гробнице царевны Микерии.

существенное приращение. Родители Микерии были в таком восторге от ее остроумия, что мудрый царь Амосис поклялся рогами быка Аписа и хвостом коровы Атор, что мужем несравненной дочери его будет непременно остроумнейший из Египтян, которые, как известно, самый остроумный из всех народов земного шара. В начале одиннадцатого года возраста, ум и прелести Микерии достигли полного

Микерія.

развития. В это время небольшая, но красивая пирамида ее уже приближалась к окончанию. Царь Амосис и царица Исимеи начали поговаривать о предстоящем выборе жениха; но царевна, затмевавшая красотой своей саму Изиду, думала только о блаженстве умереть и покоиться в своей очаровательной пирамиде. Проникнув во все тайны заветной мудрости и зная неисчислимые несчастья, происходящие в мире от числа 2, она гнушалась молодых людей и предпочтительно беседовала с самыми старыми жрецами о чистоте эфира, бедствиях земного существования и ужасах страшного закона душепереселения. Она просила роди-

телей не упоминать о замужестве до того времени , пока не кончит начатого по обету рукоделия. Это было огромное и богатое покрывало для статуи богини Хонсо (Природы). Царевна вышивала на нем золотом и серебром по тончайшему батисту узор, состоящий из четырех таинственных фигур, которыми писана в небе книга судеб мира* .

Царевна не спешила окончанием своего рукоделия. Между тем, ей исполнилось двенадцать лет, и солнцелюбивый царь Амосис, желая с приличною торжественностью объявить ее совершеннолетнею и невестою, повелел дать в главном дворце Лабиринта блестящее угощение всей священ-

* Тем же узором расписан и потолок гробницы царевны Микерии. Это, бесспорно, один из самых любопытных остатков египетской древности: нельзя не узнать в нем четырех фигур, означающих четыре масти на нынешних игорных картах, и невозможно приписать такого разительного сходства простому случаю. Изобретение карт, относимое нами к четырнадцатому столетию или, по крайней мере, изобретение карточных фигур, очевидно, восходит до самой глубокой древности. Мы увидим далее шахматы и домино, которые, по нашим преданиям, принадлежат также новейшему времени, а они, между тем, были уже известны Египтянам во время Троянской войны.

ной касте и главнейшим лицам каст военной и гражданской. С раннего утра стовратный город Фивы пришел в волнение: каждый вынимал из сундуков и шкафов свои богатейшие наряды, свои отличнейшие парики и украшения. Лабиринт, в праздничном наряде, ждал уже прибытия веселой толпы: эти сотни исполинских зданий, сваленные в огромную разноцветную гору, этот лес могучих колонн, обелисков, сфинксов и статуй, раззолоченных и расписанных богатейшими красками, эти бесчисленные портики, пирамидальные входы с одного двора на другой, величественные стены, покрытые сверху донизу колоссальными барельефами и также расписанные самым блестящим образом, и повсюду, днем, гирлянды цветов, искусственные рожи, водометы, а ночью тысячи огней, плавающих в воздухе в цветных стеклянных шарах, представляли зрелище, истинно очаровательное. Только в нашем благословенном Египте и можно видеть такие волшебства. Около полудня затопились великолепные царские бани, и вскоре многочисленный женский двор царицы Исимеи повел Микерию в эти роскошные чертоги неги для совершения перед пиршеством положенных омовений. Знатнейшие боярыни, исправляя должность невольниц, одни обливали царевну во-

дою, другие нежно натирали ее тело руками, между тем как третьи подносили к ее носу самые благоуханные лилии Нила или держали бальные ожерелья из отличнейших ис-

кусственных цветов для украшения ими белоснежной шеи. В то же время царские гости начали съезжаться во дворец в блестящих и щегольских экипажах: они следовали бесконечную цепью по великолепной Улице Сфинксов* и, спе-

* Улица Сфинксов была Невским проспектом Фив Египетских. Два из этих сфинксов находятся теперь в Петербурге и удивляют гуляющих по набережной Императорской Академии Художеств своей огромностью. Шапки их были некогда вызолочены, а все тело и пьедестал раскрашены лазуревым, красным, желтым и зеленым цветами по полированному граниту с помощью потерянных нынче секретов энкаустики. Читатели удивятся, когда узнают первоначальное назначение этих, прежде *сих*, огромных сфинксов: в Фивах они просто служили *тротуарными тумбами*. Как у наших тротуаров стоят нынче низенькие, выкрашенные скромным дегтем каменные или чугунные валики для отделения прохода пешеходов от уличного проезда, так точно, или почти в таких же расстояниях, стояли в Фивах, Мемфисе, Саисе и других главнейших городах древнего Египта раззолоченные и раскрашенные сфинксы. До сих пор существует в Фивах улица в несколько верст длины, от Кар-

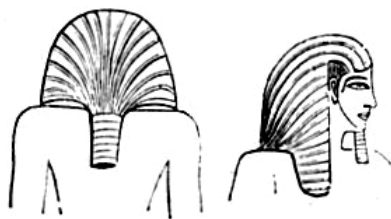
шась у первых ворот Лабиринта, прямо отправлялись в мужские бани, где царские рабы, обмыв тело надлежащим образом, повязывали им на шею такие же ожерелья из искусственных цветов. Отсюда придворные служители вели их в

восточную галерею, выходящую в сад, и тут молодым намазывали волосы самыми благовонными помадами, высоко взбивая хохлы на маковках, а старшим и важнейшим ли-

нака до самого Луксора, уставленная по обеим сторонам сфинксами в два бесконечных ряда, с остатками тротуаров позади их. Такие же двойные ряды сфинксов видны и в других местах Египта перед развалинами дворцов и храмов.

цам пудрили по форме парадные парики, завязанные сзади косичками. После чего каждый из гостей получал от главного церемониймейстера богатую лилию из царских цветников для услаждения своего обоняния, и дворцовые чиновники вводили его в главную залу, где земное солнце, сидя на престоле с своей супругою, земною луной, ласково при-

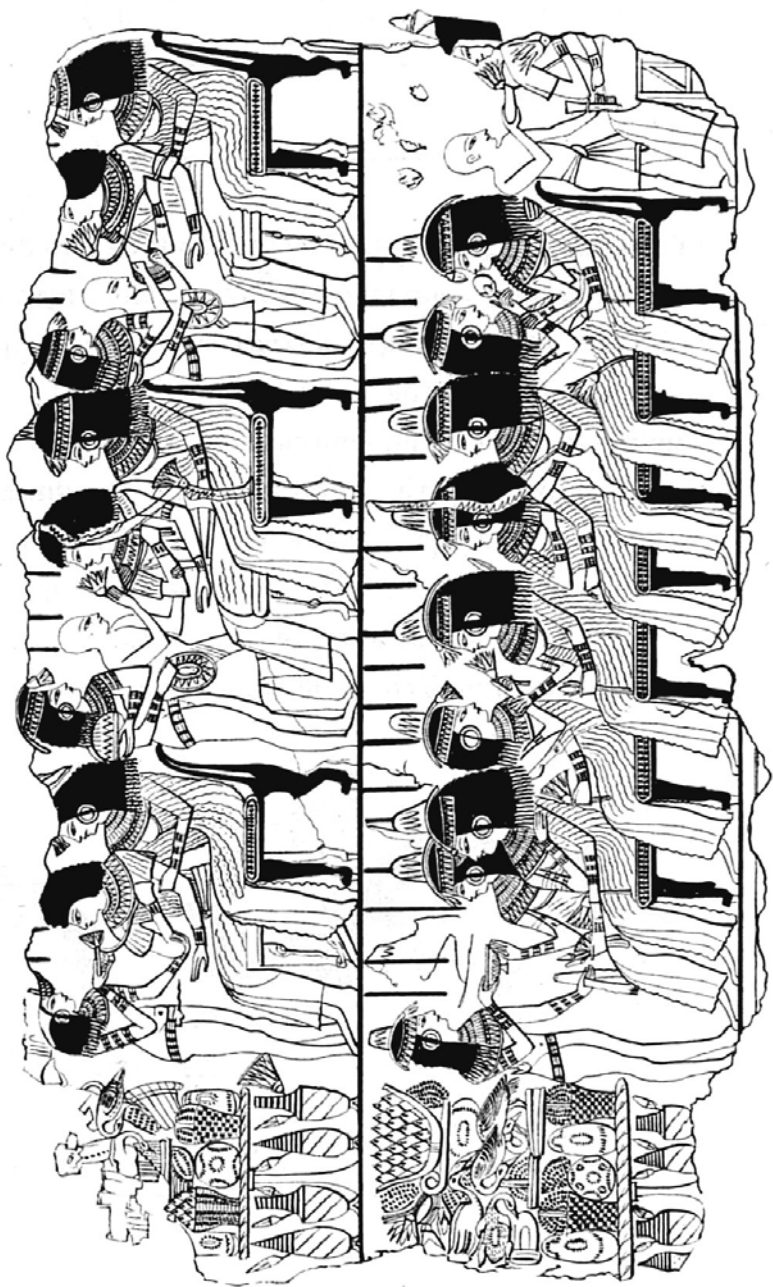

нимало посетителей, устаивавшихся поочередно посидеть несколько минут в их присутствии и услышать несколько приветливых слов. Каждому, по предписанному искони церемониалу, подавали седалища, присвоенные его чину и касте, — первостепенным жрецам великолепные и мягкие кресла, обитые дорогими разноцветными тканями; государственным сановникам развалистые стулья со спинками; воеводам стулья складные; судьям низкие деревянные табуреты, переплетенные камышом, а мудрецам стулья с подушками, надутыми воздухом, как подобает их сидячему са-

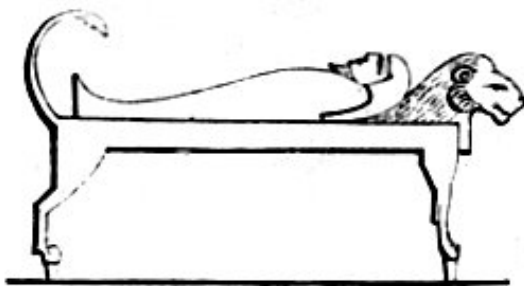
ну*. Наконец все отправились в столовую палату и нача-

* Два стула этих фасонов находится в Лондонском Музее.

лось обеденное угощение*. Мужчинам и женщинам, перемешанным попарно или сидевшим отдельными группами, самые красивые невольницы царского терема и самые статные придворные рабы заботливо подносили бесчисленные кушанья и отборные вина из богато нагруженных буфетов. Все были веселы и довольны. К концу обеда, мудрый царь Амосис приказал представить собранно деревянную мумию: это изображение мертвого набальзамированного человека, лежащего на одре, глашатаи, по древнему обычаю, церемониально обносили кругом всех гостей, прикрикивая: «Пейте и веселитесь, братья, пока живы: вот как вы все мы будем после смерти!» — а виночерпии в то же время усердно наливали старые вина в большие чаши, розданные гостям, и началась страшная попойка.

Вдруг загремела музыка. Перед собранием, из глубины залы, закрытой пятью рядами колонн, выступили прекрасные танцовщицы с бубенчиками и пальмовыми ветками в руках. Ими предводительствовала бессмертная фивская балетница, Талина, которая в грации и теперь еще может поспорить с богиней Атор, а в легкости с воздухом. За нею следовали с лирами две отличнейшие молодые певицы. Чуд-

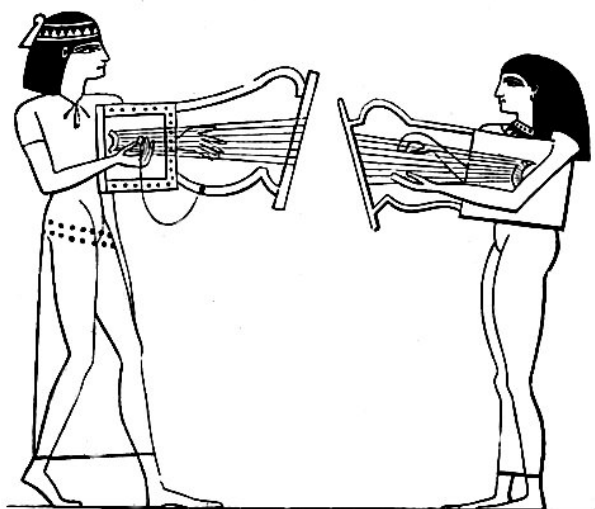
* Вид этого угощения, снятый с рисунка, которого края, к сожалению, разрушены временем, помещен в приложенной литографированной картинке.

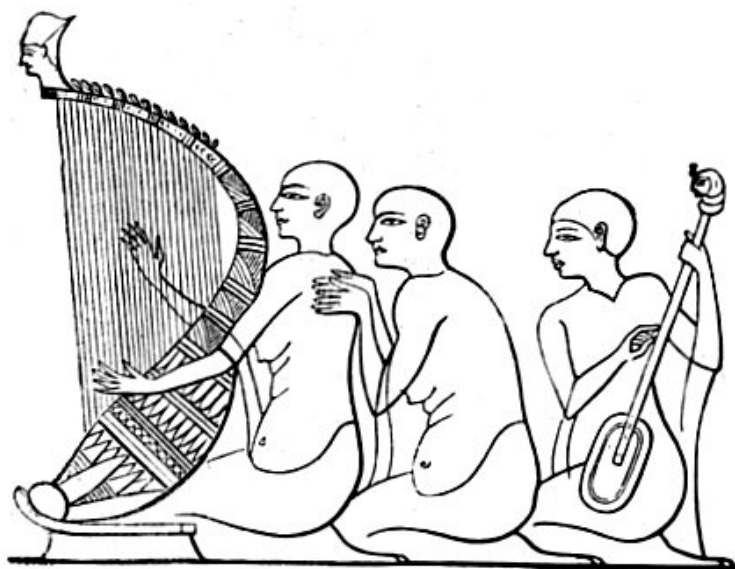
ный их голос, сопровождаемый аккомпанементом царского оркестра, упоевал слушателей своей заунывною сладо-

стью столько же, как гармонические звуки Мемноновой статуи, озаряемой поутру первыми лучами солнца. После то-

го, мудрый царь Амосис предложил славной Елене, дочери

Тиндарея и Леды и супруге некоторого греческого царька Менелая, похищенной троянским царевичем Парисом, —

она тогда была еще в Египте, — потанцевать перед честным собранием так, как некогда танцевала она в орфийском храме Дианы, когда Тезей, плененный красотой малютки, взял ее к себе в Афины. Но прекрасная Гречанка извинилась болью в правой ноге и предпочла сыграть скорее что-нибудь на египетской арфе. Этот инструмент был

Елена Троянская.

почти единственную ее забавою и занятием во время десятилетнего плена в Мемфисе и Фивах, и она достигла на

нем необыкновенного искусства. Игра ее, с аккомпанементом длинной и двойной флейт, басового декахорда и клар-

нета, и с шумным финалом в барабаны и литавры*, восхитила всех присутствовавших. Едва кончились шумные и

продолжительные рукоплескания, заслуженные прекрасною арфисткою, мудрый царь Амосис милостиво попросил ее сесть на стул перед ним и лунолюбимую царицею.

— Ну, что, Тиндаревна? — весело сказал он (мудрый царь Амосис был в тот вечер совершенно в очаровательном духе). — Извините, я должен был сказать «Елена Юпитеров-

* Инструменты, находящиеся в лондонском Британском Музеуме и совершенно сходные формой и устройством с нынешними.

на»... Знаешь ли, душенька, — продолжал солнцелюбимый царь, оборотясь вдруг к царице, — что ее маменька Леда выдает ее перед своим мужем за дочь Зевса?.. или Юпитера?.. то есть, Озириса?.. эти нечистые еретики, Греки, перековеркали все названия богов, которым у нас выучились! По ее словам, Юпитер, в отсутствие мужа, стал волочиться за нею в образ лебедя, и этот добряк Тиндарей уверяет всех Греков, что жена его... ха, ха, ха!.. снесла яйцо, из которого потом выклюнулась эта красавица.

— Но я не вижу, — сказала лунолюбимая царица Иси-меи, которой задержание Елены в Египте ее солнцелюбимым супругом и высылка Париса всегда казались подозрительными, — я вовсе не вижу, чтобы она была такая красавица!... Не понимаю, что такое все вы в ней находите!

— Не говори этого, душенька, — возразил мудрый царь Амосис, — хороша!... Тифон возьми, как хороша!... то есть, была: теперь немножко состарилась. Не забудь, что этому уже десять лет...

— Как ты, мой солнцелюбимый, отнял ее и все сокровища у этого бедного молодого человека, царевича Париса, и прогнал его самого, когда он, уходя из Греции с ветреною женою Менелая, искал убежища от противных ветров у наших берегов...

— Вот ты уж опять начинаешь свое! — сказал мудрый царь Амосис с досадою. — Это — старые дела. Я поступил очень хорошо, как подобает земному солнцу. Украсть у мужа жену — большой грех, особенно украсть ее с такою кучею золота. Парис — негодяй, разбойник, обманщик: я должен был наказать его отнятием всего похищенного, а жену отдам мужу, когда он сюда явится. Перестанемте ссориться за такие пустяки. Ну что, Тиндаревна? — продолжал он, обращаясь к прекрасной иностранке. — Какие у вас есть известия о ваших друзьях?... что делают ваши под Троей?

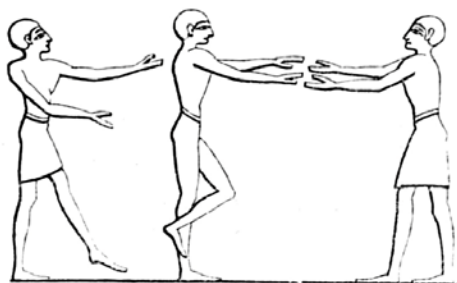
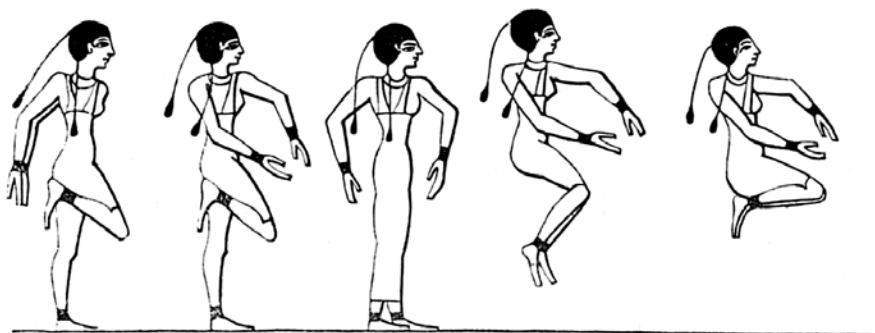
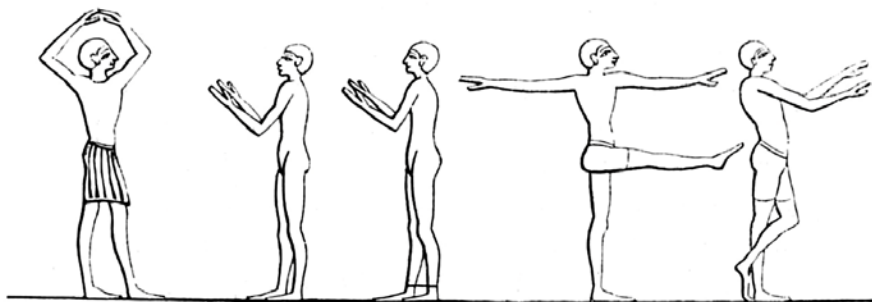
— Ничего не знаю, — печально отвечала Гречанка.

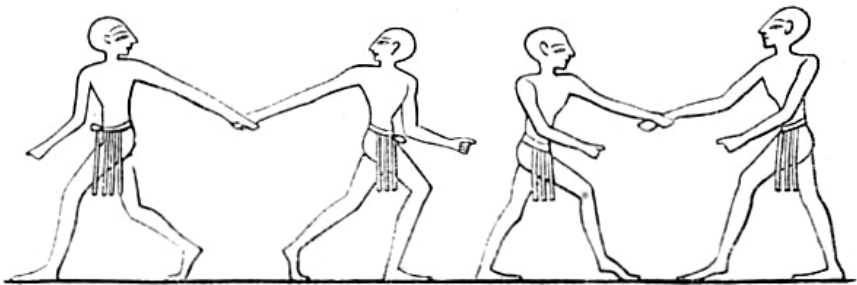
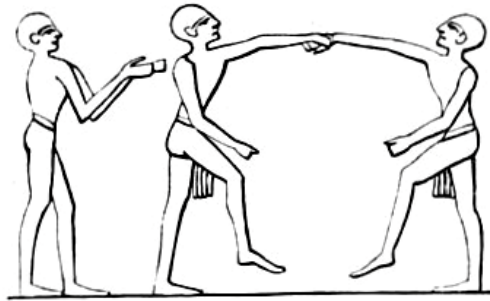
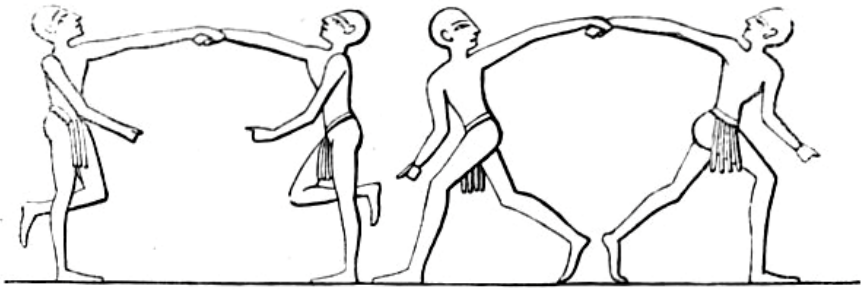
— Это нехорошо, — примолвил мудрый фараон, — они за вас дерутся, а вы и не стараетесь узнать, как им везет счастье. Так я же вам скажу. В Пелузию пришел финикийский корабль с галантерейными товарами, которых он не мог про-

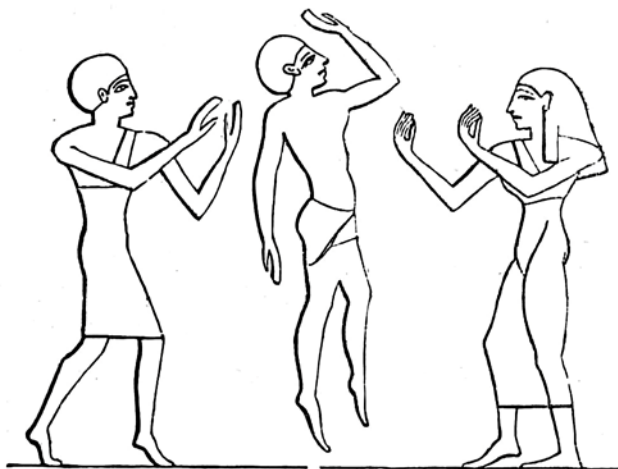
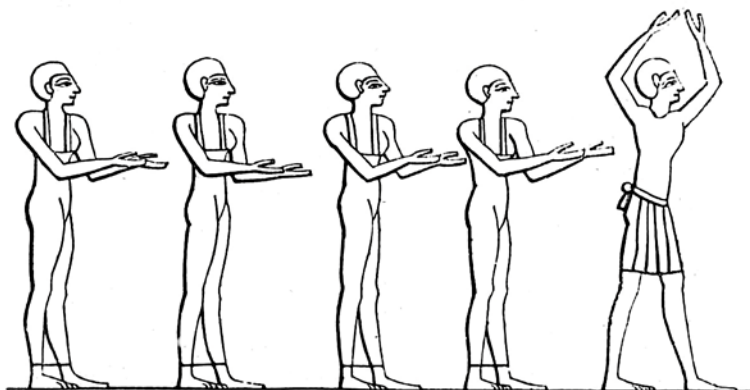
дать в Греции, потому что там ужасная нищета, да и не для кого наряжаться женщинам: все мужчины на войне!... Он привез известие, что под Троей дела ваших земляков идут очень плохо. В стане их свирепствовала чума, множество народу погибло, и, вдобавок, возникли несогласия. Какой-то князек по имени Ахилл побранился с вашим деверем за девушку и произвел раздор. Трояне порядком поколотили ваших, и в Греции все были того мнения, что осада вскоре будет снята. Впрочем, вы очень хорошо делаете, что не забываетесь об своих плутах Греках: эти морские разбойники, поверьте мне, не за вас дерутся! Старый Приям очень богат, и им хочется ограбить его кладовые. Вы увидите, — присовокупил мудрый царь Амосис, обращая речь к своим придворным, — что когда Трояне прогонят Греков от своего городишка, те станут хвастаться на весь мир, будто они победили старого Прияма и отняли у его сына Елену, которая, между тем, играет нам здесь на арфе. Они готовы... таких лжецов и пустомелей, как эти мерзкие еретики, свет не видывал!... готовы написать о том предлинную историю... пожалуй, еще и в стихах*.

Весь двор мудрого царя Амосиса захохотал в честь его остроумия, как вдруг рассунулся пурпуровый занавес, закрывавший другой конец залы, и явился великолепный балет с пируэтами и мимикою, в котором танцоры обоего пола явили необыкновенное искусство. Но более всего, в заключение балета, восхитили собрание фигуры вновь избретенного придворным балетмейстером танца, названного им *пòликой*. Этот очаровательный танец, который, с бесконечным разнообразием поз, прелестью па и кокетством движений, счастливо соединяет в себе все условия вы-

* Геродот слышал также от египетских мудрецов, что, по их летописям, Елена во все продолжение Троянской войны оставалась в Египте, быв отнята фараоном у Париса и задержана под предлогом выдачи ее законному мужу, когда он явится. Наш папирус совершенно подтверждает Геродотовы известия.

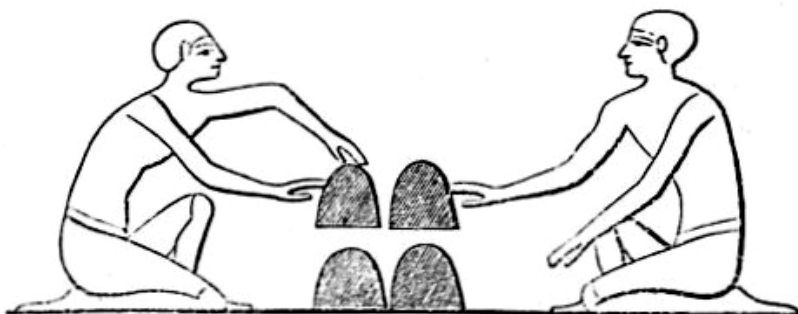

сокой душевной драмы, переходя от равнодушия, холодности и до борьбы сердца, просьбы и, наконец, до пламенеющей страсти, пленил всех своей несомненной выразительностью, и многие молодые мужчины и женщины тут же принялись подражать придворным танцорам, к великой потехе солнцелюбимого царя фараона и его лунолюбимой супруги. Эта невинная забава, первое начало страстной моды, в которую впоследствии вошел в Фивах, Мемфисе и Саи-

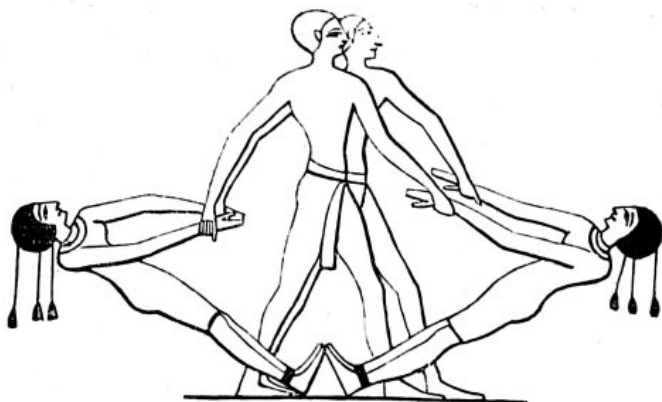
се танец *пòлика*, была прервана выходом фокусников и фигляров. После чудной ловкости, с какою наши египетские

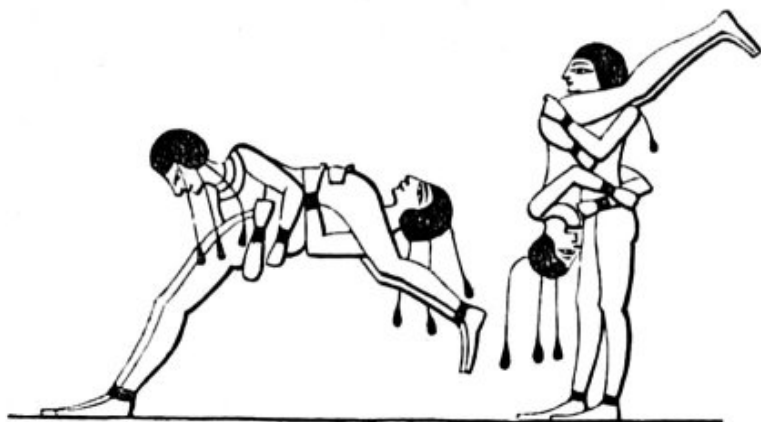
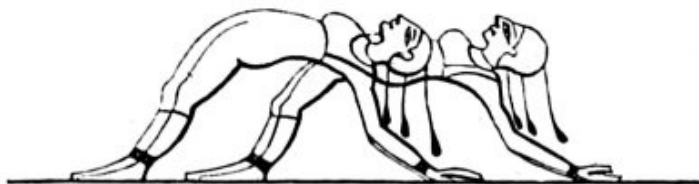
кою наши египетские фокусники превращали лилии в парики и платки в бананы, особенного удивления заслужили

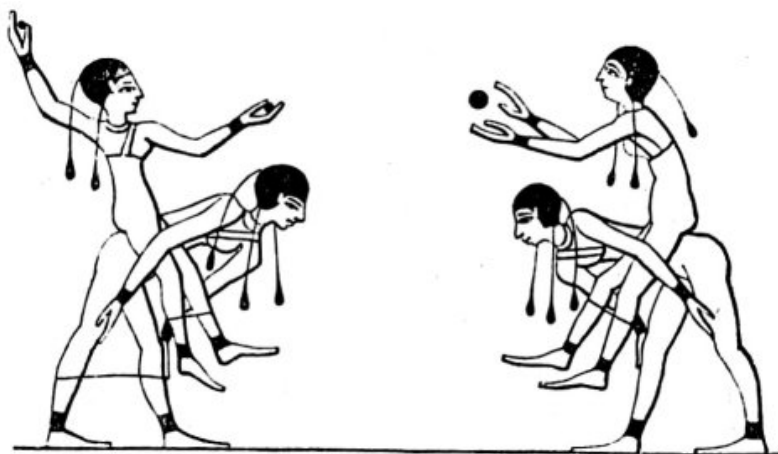
гимнастические штуки знаменитых царских фигляров и невероятная сила придворных иркулесов и иркулесиц. Жен-

щины, в этом отношении, явились еще замечательнее мужчин: кроме особенной прелести в движениях и позах, стра-

шная степень силы, которую эти слабые создания успевают упражнением развить в своих нужных членах, и легкость, с

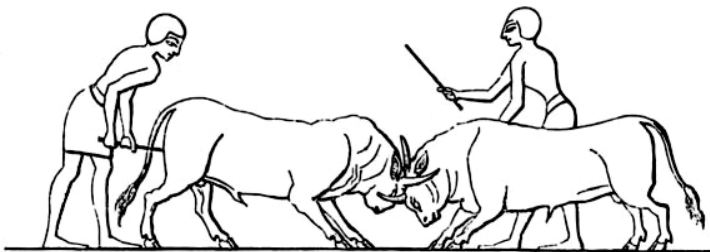

какою в самых трудных положениях тела и при величайшем напряжении силы играют в тяжелые шары, доводя число их до десяти и более, достойны быть предметом глубочайших размышлений мудрецов. Но египетский народ годится на все чудеса: другого такого народа боги не создали

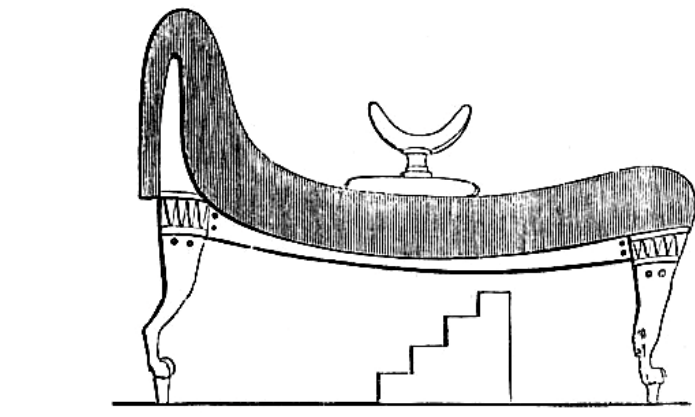

на земле!

Между тем, на площади, перед дворцом, простой народ наслаждался зрелищем боя двадцати огромных быков и подвигами храбрых фивских *picadores*. В палатах, при по-

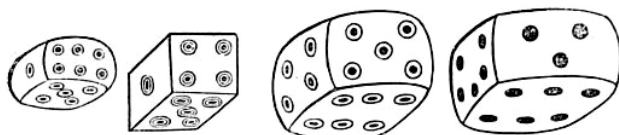
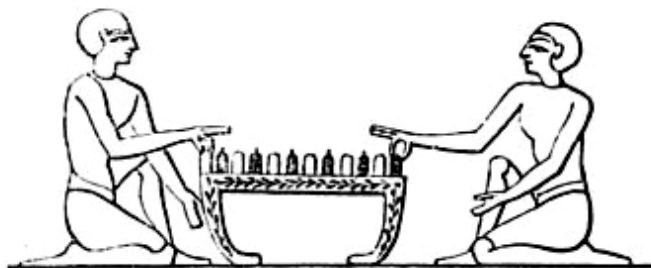

токах царского вина, гости предавались самой необузданной веселости, особенно с той минуты, как земное солнце, утомленное пиршеством, удалилось во внутренние покои, чтобы с лунолюбимого супругою отдохнуть после обеда на своем высоком государственном ложе*. Одни играли в шах-

* Инструмент, поставленный на середине этой кровати, заменял у древних Египтян подушки: ложившийся спать помещал голову свою в деревянное полукружье такого инструмента, которое было обито кожей, подложенною, для мягкости, шерстью или хлопчатую бумагою. Такие подушки употребляются еще и нынче в северной Абиссинии.

маты или кости*, другие в чет и нечет на спине угадчика,

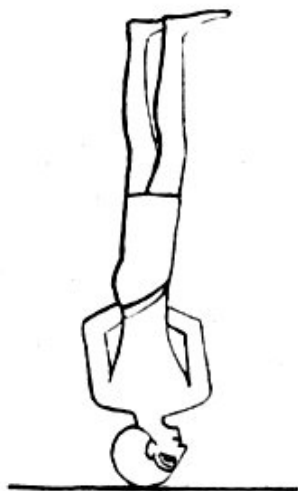

который, угадав, подвергал своих товарищей тому же поло-

* Кости эти находятся и в Берлинском и в Лондонском музеумах.

жению, а многие, встав на голову, кричали — «Да здравствует царь фараон, земное солнце!» — и держали пари между собою, кто в этом виде произнесет большее число раз

приветствие гостеприимному хозяину. Уже после полуночи разошлись гости по домам, то есть, большую часть отнесены были без чувств слугами из дворца в свои спальни.

На следующий день, даже и у земного солнца с похмелья жестоко болела голова; полный комплект врачей созван был в присутствие царя, и тот, по чьей части состояла бо-

лезнь великого фараона, принялся лечить его по правилам

искусства*. В эту неблагополучную минуту почтенный обергофмейстер Тори и обер-шенк Каофи представили солнцелюбимому мудрому царю Амосису счет издержкам на вчерашние увеселения. Мудрый царь ужаснулся. За неуместную расточительность он приказал дать им, на главном крыльце дворца, отеческое поучение, и, пользуясь предлогом, что от пьяных гостей его произошли ночью в городе разные беспорядки, присудил свою любимую столицу к уплате, в виде пени, всех денег, издержанных на пиршество. С другой стороны, за то, что происходило в конце вчерашнего пира, и не один благонравный муж стовратного града Фив счел себя в праве, и в необходимости, с приличною нежностью напомнить своей супруге обязанности, предписанные осьмою главою третьей книги Гермеса Тревеликого.

* Известно из Геродота, что у древних Египтян для каждой болезни был особенный врач при царе; по числу признанных наукою болезней, находилось более пятидесяти врачей.

Так сделалась царица Микерия-Нильская Лилия совершеннолетней. Мудрый царь Амосис весь этот день был нездоров, и не ходил в подземелья Лабиринта осматривать свои сокровища; но на третий день после пиршества рано утром отправился он в свои кладовые. Осмотрев замки и печати и найдя их в совершенной исправности, он отпер золотым ключом огромную и тяжелую медную дверь и вошел в любимые погреба свои. Груды богатств всякого рода лежали в симметрическом порядке по всему пространству крепких каменных полов. Царь долго прохаживался между ними, любуясь на плоды своей бережливости. Душа его утопала в высоком наслаждении. Вдруг одна грудка золота показалась ему тронутую. Он осмотрел ее с величайшим вниманием. Не оставалось сомнения: чья-то преступная рука, во время пира, коснулась сокровищ и нанесла им приметный ущерб! Мудрый царь Амосис обошел кругом все подземелья, тщательно рассматривая стены, полы и потолки, построенные из огромных шестигранных глыб сиенского полированного гранита, и, не видя нигде пролома, должен был заключить, что кто-нибудь из придворных украл у него ключ и печати в ночь всеобщего веселья, когда земное солнце было помрачено облаком винных паров, и таким образом пробрался в кладовые.

Царь запер медную дверь ключом, приложил к ней другие печати, и удалился. Вечеру он нарочно забыл на столе свой золотой ключ и печати, тайно наблюдая всю ночь за ними, чтобы поймать вора, который, без сомнения, захочет вторично воспользоваться рассеянностью земного солнца. Но к столу никто не подходил, а между тем, на следующее утро, отправившись в подземелья, солнце открыло признаки нового и весьма значительного похищения. Двери, замки и печати по-прежнему были целы. Удивляясь такому чуду, мудрый царь Амосис ставил у дверей сильные караулы, сторожил сам караульных, изобретал различные хитрости, и, несмотря на все это, не мог открыть ни пути, ни примет похитителя, хотя сокровища решительно каждую ночь уменьшались.

Светлая голова его кружилась от недоумения. Он тайно позвал главного своего механика и, при его содействии, избрал такую западню, которая, схватив вора пополам, была в состоянии удержать его на месте до утра. Через несколько дней, замысловатый, неприметный глазу механизм поставлен был именно у той груды слитков золота, из которой похититель начал почерпать накануне. В этот раз мудрый царь Амосис не ошибся в расчете. После полуночи, один из огромных гранитов стены подземелья тихо повернулся, и два молодых человека вошли в кладовые через отверстие. Это были Ктепи и Апопи, сыновья покойного Тописа, знаменитого архитектора, построившего фивский Лабиринт для мудрого царя Амосиса. В числе бесконечного множества потаенных подземных и надземных ходов, из которых состоит это неподражаемое здание, настоящий логогриф зодчества, не распутанный умом человеческим, искусство архитектора неприметно направило один подземный ход от кладовых к его собственному дому, лежавшему в отдаленной части города, по другую сторону Нила. Ход, со стороны кладовых, был закрыт подвижною гранитною плитою, так отлично подведенною под общий вид венцов подземелья, что ни какой глаз не мог приметить разницы между нею и другими камнями стены.

Прежде чем Лабиринт был совершенно окончен, мудрый Топис, на случай смерти, вручил жене своей запечатанный сверток папируса, для передачи сыновьям их, Ктепи и Апопи, когда они достигнут совершеннолетия, взяв с нее клятву, что до того времени она не раскроет и никому не покажет этого писания. В папирусе том было сказано:

«Дражайшие дети мои, Ктепи и Апопи! Я строю Лабиринт, громадное собрание надземных и подземных дворцов, храмов, галерей, колоннад, портиков, дворов, ходов, тайников и многоярусных колодцев, здание, какого доньше не бывало на лице земли и никогда не будет в другом месте. Многие после меня захотят подражать этому великому творению ума вашего отца, в Египте и в других странах, но никто не соорудит подобного. Владелец Лабиринта навсегда безопасен: в случае нападения мятежников или злоумышленников, он может ускользнуть тысячью путей, а они запутаются в них, не найдут себе выхода и будут пойманы. В подземельях должны храниться его сокровища. Царь Амосис мудр и скуп: по скупости, он не заплатит мне обещанных тысячи фунтов золота, хотя подобному произведению цены нет на свете; а по мудрости своей, не захочет, чтобы кто-либо в Египте, кроме его, и еще лучше его, знал план Лабиринта. Крепкая десятиэтажная башня, которую, по его желанию, я с трою в середине этого чуда, будет наверное местом моего пожизненного заточения. Хотя боги позволили мне жить в такое время, когда в Египте вдруг вспыхнула неукротимая и разорительная страсть к пирамидам и великолепным чертогам загробной жизни, однако ж, по всей вероятности, я не оставляю вам никакого наследства, кроме скромного дому, в котором вы воспитываетесь. Другие зодчие, далеко не стоящие вашего отца, нажили от пирамид такая богатства, что воздвигают себе нынче пирамиды втрое огромное и великолепнее тех, для которых некогда составляли они сметы по заказу. Лабиринт, поглотивший всю жизнь и всю деятельность мою, лишил меня подобных случаев. Я не оставляю вам ничего. Но если мои предчувствия сбудутся, если я не ворочусь к вам, то вы имеете право взять из подземелий Лабиринта следующую мне за создание плана

и за тяжкие труды исполнения тысячу фунтов золота, которых мудрый царь Амосис никогда ни мне, ни вам не заплатит добровольно и которую я вам отказываю как мою неотъемлемую собственность. Примитесь за дело умно и осторожно: при этом завещании найдете полный план Лабиринта, всех его кладовых и подземного хода, проведенного к ним моим слабым гением под руслом Нила от вашего дому, с описанием секрета подвижного камня в стене подземелья и прочих подробностей. Запрещаю вам, дражайшие дети моя, Ктепи и Апопи, брать даже один гран золота более тысячи фунтов: тысяча фунтов — мое заслуженное добро, а после меня — ваше достояние. Всякое лишнее зерно было бы воровством, и вы, я уверен, не запяtnаете перед светом имени вашего родителя и, перед бессмертными богами, вашей совести подобным преступлением», и прочая.

Архитектор Лабиринта предугадал судьбу свою: лишь только чудное здание было окончено, мудрый царь Амосис, из предосторожности, запер Тописа в башне, и вскоре великий художник скончался там от скуки и горя, а семейство его, вместо обещанной суммы, получило от щедрот земного солнца только мертвое тело своего усопшего главы для подлежащего набальзамированию и погребения в фамильном подземелье. Жена архитектора, мудрая Никотри, свято хранила у себя вверенный ей свиток и отдала его сыновьям своим не прежде, как по достижении ими возраста благоразумия и мудрости. Получив этот драгоценный папирус и вникнув надлежащим образом в дивное его содержание, два молодых человека решились исполнить завещание родителя. Долго и в глубокой тайне изучали они местность подземного хода и секрет подвижного камня; наконец, в ночь великого пира, данного в честь лунолюбимой царевны Микерии в главном дворце Лабиринта, вошли в первый раз в кладовые и приступили к взысканию с царских сокровищ суммы, следующей его обиженному строителю.

С тех пор каждую ночь свободно посещали они неприступные подземелья и, принеся золото домой, весили его с величайшею тщательностью, чтобы не перебрать ни од-

ного зерна сверх заключенного между владельцем и их отцом условия. Недоставало еще пятидесяти фунтов. В это именно время мудрый царь Амосис поставил в погребах своих хитро вымышленную западню. Не подозревая никакой опасности, Ктепи и Апопи преспокойно пришли взять остальное. Апопи оставался в открытом отверстии, а Ктепи, соскочив в подземелье, пошел прямо к груде слитков, которую вчера еще нащупал он в темноте и уже благополучно начал. В этот раз, он долее обыкновенного не возвращался к брату с золотом. Апопи начинал уже приходить в беспокойство, не зная, чему приписать замедление, как вдруг раздался тихий зов:

— Апопи!.. поди сюда!..

— Зачем?

— Нужно. Приходи поскорее.

Апопи осторожно слез на пол и, впотьмах, отыскал брата.

— Какой-то демон схватил меня и держит изо всей мочи, — прошептал ему Ктепи. — Посмотри, что это такое!... кажется, железный обруч?

Апопи начал ощупывать все тело брата.

— Разумеется, обруч! — сказал он. — Как же ты попал в него?

— Сам не знаю! Чуть наклонился я к этой груде, как вдруг что-то сомкнулось около меня и я не могу пошевелиться. Помоги разнять эту западню. Тут должна быть пружина. Отыщи ее и отломи.

Но пружина была скрыта так искусно, что Апопи нигде не мог ее нащупать. Напрасно оба брата напрягали свои силы, чтобы разнять обруч: крепко сощемившееся железо не подавалось ни в ту, ни в другую сторону. Они измучились и ничего не могли сделать против великой мудрости солнцелюбимого царя Амосиса.

— Дело кончено! — сказал Ктепи. — Мы открыты!... Нас объявят ворами и казнят позорною смертью. Это ужасно!

— Да! это ужасно! — примолвил Апопи.

— Какое бесчестье для имени нашего незабвенного отца!

— Какой удар для нашей доброй матери!

— Любишь ли ты меня, Апопи?... любишь ли драгоценную мумию твоего родителя?

— Можно ли спрашивать об этом!

— Так поклянись мне тем, чье имя непозволительно и страшно произносить на земле*, что сделаешь все беспрекословно по моему наставлению.

— Клянусь!

— Мудрый царь Амосис думает, будто он мудрее и остроумнее нас с тобою. А вот мы ему докажем остроумие! Отрежь мне сейчас голову, заверни ее в свой плащ и убирайся отсюда....

— Как это можно! — вскричал Апопи с ужасом.

— Так, по-твоему, лучше погибнуть позорно, обесчестить память нашего отца, имя нашей старой матери?... Ты мне поклялся.

— Однако ж!... — произнес дрожащим голосом Апопи и залился слезами.

— Фуй! — сказал Ктепи. — Ты робкое дитя!... ты содрогаясь там, где нужно явить мудрость, отличиться остроумием.... Ты не Египтянин! Я не признаю тебя своим братом. Ты Грек!... ты хуже Грека!... Жид!... финикиец!

— Не обижай меня так жестоко, Ктепи! — перервал Апопи, утирая слезы. — Я — Египтянин!... истинный Египтянин!

— Так режь мне голову и беги, спасайся. Если бы, вместо меня, попался в этот обруч ты, мой милый, я без спроса отрезал бы тебе головку и — поминай как звали!

Апопи нежно поцеловал брата, прощаясь с ним навсегда, и начал завертывать ему голову своим плащом.

— Не забудь только, — сказал еще сквозь сукно плаща Ктепи, — хорошенько и чисто притворить камень.

— Не забуду, — отвечал молодой человек и через минуту бежал уже по подземному ходу домой с головою любезного брата.

Рано поутру мудрый царь Амосис, встав с своего высокого ложа, отправился в подземелье посмотреть, что там слу-

* Озирисом.

чилось нового. Когда он подошел к грудке слитков, у которой поставлена была западня, и увидел стоящего в обруче человека без головы, ужас и удивление овладели им в высшей степени. «Великие боги! — воскликнул он. — Меня, мудрого Амосиса, меня, фараона, то есть земное солнце, прямое течение Солнца Небесного, надувают люди, у которых даже и следа головы нет!... Человек без головы ходит каждую ночь неразгадаемыми путями в мою царскую казну и обирает меня по своему произволению, а я... Но, нет!... у этого человека наверное была прежде голова.... Куда могла она деваться?... Тут должна скрываться какая-нибудь мудрость... мудрость очень хитрая, очень остроумная... Я непременно проникну ее!»

И мудрый царь Амосис приказал мертвое тело вынуть из западни и положить его на земляном валу, защищающем Лабиринт от наводнений Нила, с западной стороны главного дворца, против самой многолюдной улицы. Он не сомневался, что родственники обезглавленного плута, страшась погубить души свои, будут стараться украсть это тело, чтобы сделать из него мумию и совершить над нею погребальные обряды. Поставленным у тела стражам строжайше предписано было наблюдать за всеми проходящими и немедленно схватывать не только мужчин, которые обнаружат малейшее покушение на труп, но и женщин, которые, остановясь перед ним, станут плакать или показывать какое-нибудь участие.

Стражи расположились на валу, возле мертвеца, выставленного на вид всему народу, и усердно высматривали весь день; но никто из проходящих не обращал внимания на их сокровище.

После заката солнца, бедный погонщик гнал перед собою мимо вала двух ослов, навьюченных кожаными мешками с вином. Ослы упрямылись. Он колотил их дубиной, и один из ударов, предназначенных спине ленивого животного, нечаянно упал на его ношу. Курдюк лопнул. Вино потекло на мостовую. Несчастный погонщик был в отчаянии. Стражи, сидевшие на валу, начали хохотать.

— Что вы смеетесь, ротозей? — сердито закричал им

погонщик. — Вот, лучше бы пособили мне остановить вино вместо того, что сидите там без дела! Я готов подарить вам половину этого курдюка, если вы поможете спасти остальное.

Пользуясь сумерками, два стража быстро сбежали с вала и принялись, с великим рачением, затыкать дыры в мешке. Течение драгоценной влаги было остановлено. Погонщик, из благодарности, встал на вал один из своих курдюков и начал потчевать благодетелей спасенным вином. Завязалась приятная беседа. Вскоре между погонщиком и воинами мудрого царя Амосиса учредилась такая тесная дружба, что и второй курдюк взгромоздился на вал. К полуночи все стражи были мертвецки пьяны, и, еще час спустя, все уже громогласно храпели около трупа. Но один из них, засыпая, из предосторожности положил свою голову на тело Ктепи.

Апопи, — потому что это был он; он-то разыгрывал здесь роль великодушного погонщика ослов: мать, узнав о приключении с старшим своим сыном, бросилась с отчаянием на его голову, зарыдала и, в негодовании на жестокость младшего, объявила ему, что сама она донесет о всем царю, если ей в тот же день не будет возвращено тело дорогого Ктепи, — Апопи, удостоверившись в совершенной бесчувственности своих новых приятелей, сошел на улицу, отрезал голову и хвост одному из ослов, встал на туловище на вал и подложил его под голову предосторожному стражу, а тело любезного брата взвалил на другого осла и поспешно удалился.

Проснувшись на следующее утро, испуганные стражи стремглав побежали во дворец, с докладом, что ночью на валу случилось великое чудо : этот человек без головы был не человек, но сам Тифон, злой дух, олицетворенное число 2; едва наступила ночь, он, при глазах их, в одно мгновение превратился в осла без головы и без хвоста. Мудрый царь Амосис, услышав о таком дивном происшествии, вышел сам на вал и лично убедился в истине донесения стражей. Не опомнившись еще от удивления, он поспешил в подземелья осмотреть свои сокровища. Другое чудо!... от-

туда чья-то невидимая рука утащила пять мешков новых золотых монет. Апопи, отвезши тело брата к матери, успел еще побывать в ту же ночь и в царской сокровищнице. Рассчитывая, что мудрый царь Амосис, довольный открытием вора без головы, не заведет западни с вечера или, по крайней мере, никуда ее не передвинет, он решился добрать из заветной казны своего должника остальные пятьдесят фунтов золота, обратился к другой груде, и совершенно успел в предприятии.

Это новое похищение, сделанное с такою невероятною смелостью, это современное с ним превращение человека в осла, совершившееся так ловко при многочисленной страже, привели мудрого царя Амосиса в величайшее удивление. То и другое были, очевидно, подвигом одного и того же проказника: но как мог он очутиться в одно время в двух местах вдруг? Мудрый царь Амосис никак не понимал этого. Он стал придумывать новые, еще более тонкие средства к открытию своего злодея, но, что ни изобретало его великое остроумие, как ни ухитрялась его мудрость, все было безуспешно. Нередко уже кладовые его были, опыта ради, нарочно оставляемы на всю ночь незапертыми: и тут не мог он никого поймать; пропажи в подземельях добровольно прекратились и, несмотря на все усилия сыщиков, о похитителе золота и безголового трупа не получено никакого сведения. Апопи так искусно скрывал свое богатство, что ничье подозрение не обращалось на бедный дом покойного архитектора.

Мудрому царю Амосису, однако ж, непременно хотелось добиться до решения этой странной загадки. Он отправился в золотой терем лунолюбимой дочери своей, царевны Микерии-Нильской Лилии, и держал ей такую речь: «Дражайшая лунолюбимая дочь моя! я никогда не полагал, чтобы в Египте кто-либо был дальновиднее или остроумнее меня. Это казалось невозможным и неестественным. Между тем, нашелся человек, который решительно сбил меня с толку, играет моей проницательностью, проводит меня своими хитростями, как маленького ребенка. Я не могу допустить такого злоупотребления в моем государ-

стве! В книгах мудрецов сказано, что где мужская мудрость становится в тупик, там нередко женский ум находит очень просто настоящее решение затруднения. Мне нужен твой женский ум. Ты совершеннолетняя: я объявляю сегодня же по всему Верхнему и Нижнему Египту, что, согласно с моим обетом, отдаю руку твою тому из моих мудрых и ловких Египтян, кто расскажет тебе... одной тебе, наедине... и не открывая наперед ни имени, ни звания... самый удивительный подвиг остроумия из личных своих деяний. Имя и звание обнаружит он после, когда будет принят. Похититель золота и безголового трупа явится к тебе непременно: я знаю его дерзость!... он придет в мой собственный дворец похвастаться своими проделками! Как скоро начнет он рассказывать тебе об этом неслыханном деле, ты ухватишься за него обеими руками и закричи: я тотчас приду с МОИМИ телохранителями. Держи его крепко: он — настоящий оборотень... ужасно мудр... очень остроумен!... как раз исчезнет...»* Земному Солнцу возражать грех: он — центр всей подлунной мудрости, и смертные обязаны слепо повиноваться его вдохновениям. Таков закон богов. Лунолю-бимая царица Микерия-Нильская Лилия, несмотря на не-приятность поручения, беспрекословно подчинилась воле солнцелюбимого царя-родителя.

Вскоре целые толпы молодых и старых искателей счастья сбежались в золотой терем лунолюбимой царицы: каждый рассказывал ей свои знаменитейшие хитрости, замысловатейшие проказы, но все подвиги их остроумия или воображения были признаваемы недостаточными. В одно утро явился к прелестной царице молодой человек, очень красивой наружности, одетый весьма изящно, с щегольской на голове повязкою, которой одна уже золотая бахрома доказывала тонкий вкус и отличное воспитание. Обращение его было благородно, речь сладка и исполнена удивительной мудрости. После нескольких слов вступительной беседы, лунолюбимая царица была совершенно им очаро-

* Событие это, почти теми же словами, рассказано и у Геродота.

вана. Она, дрожащим голосом, спросила его о причине посещения.

— Я желаю, — отвечал он, — рассказать вам самое удивительное дело, какое только случилось в славное царствование мудрого фараона, вашего солнцелюбимого родителя, прелестная царевна; дело, в котором сам я, лично, участвовал, но которое, к сожалению, днем никак не рассказывается.

— Так когда же вы можете рассказать мне его? — с удивлением спросила царевна.

— Не иначе как ночью.

— Ночью?... великая Изида!... как это можно?

— Да! ночью!... когда совершенно темно и все спят. Сегодняшнюю ночью, если вам угодно.

Лунолюбимая царевна Микерия покраснела и потупила взор.

— Ночью? — повторила она несмело. — Где же?..

— Здесь. Всего лучше, здесь.

— Но... но... ночью все ворота дворца закрыты... вам нельзя сюда проникнуть...

— Мне ворота не нужны. Если только вы позволите, я предстану перед вас непременно... в самую полночь.

Лунолюбимая царевна Микерия-Нильская Лилия снова покраснела. Огонь женского любопытства пылал в ней так сильно, и незнакомый собеседник был так мил, так чудесен, — может быть, это и сам Озирис! — думала она в своем

благочестии: когда, при такой красоте, ему еще и двери для входа не нужны! — что, среди волнений удовольствия, страху и замешательства, дрожа, пламенея, колеблясь, неизвестно каким образом позволила ему явиться в это необычайное время.

— Могу ли иметь хоть одну лампу в комнате? — робко спросила она еще, когда незнакомец прощался с нею.

— Как вам угодно, — отвечал он, кланяясь почтительно. Лампа не помешает моему рассказу: он боится только дневного света.

Когда молодой человек удалился из терема, царевна Микерия-Нильская Лилия, сообразив, что поступила неблагоприятно, тотчас побежала к мудрому и солнцелюбимому родителю. Она сообщила царю все подробности опасного свидания, умоляя извинить ее неопытность. Но мудрый царь Амосис был, напротив, в восторге от ее решимости и удивительной расторопности: он не сомневался, что это — тот самый плут, которого ищут так долго, и особенно одобрял остроумную меру дочери в рассуждении лампы, потому что при ее свете молодцу не останется возможности скрыться где-нибудь незаметно. Несколько раз повторял он смущенной всем этим царевне ничего не бояться, смело ждать таинственного посетителя, и сам стал ждать ночи с величайшим нетерпением.

Сердце Нильской Лилии дрожало непонятным трепетом во весь этот день, который казался ей целым столетием. Горячо молилась она великой богине Изиде, чтобы этот интересный молодой человек, который так опрометчиво подставляет свою голову под секиру рока, рассказал ей самую пошлую глупость вместо самого удивительного дела, с такою зловещею радостью предугадываемого мудрым и солнцелюбимым батюшкой. Она еще надеялась, что это — не он, не похититель золота. «Нет, он неспособен превратить человека в осла! — думала она. — Это на него не похоже; он — такой милый, такой скромный!» — и, с наступлением ночи, начала часто смотреться в зеркало, поправлять свои волосы, примерять самые прелестные свои вещицы. Мало-помалу она нарядилась бесподобно, восхитительно, сама

не замечая этого. Но впервые, и с истинным удовольствием, заметила она тогда свою необыкновенную красоту. Она была довольна собою. Лунолюбимая царица Микерия-Нильская Лилия, в самом деле, была в тот вечер чудесна!

В этих увлекательных приготовлениях быстро протекли часы. Полночь приближалась. Царица выслала из покоев всех своих прислужниц и присела на софу. Прошло несколько минут в глубокой тишине. Кругом господствовало мертвое молчание. Только сердце глухо стучалось об алебастровый свод груди. Наконец послышался и легкий шорох. Сердце царицы призабилося еще сильнее. Она со страхом подняла глаза: утренний посетитель стоял перед нею...

Теперь, среди волшебства ночи, при этом таинственном мерцании одинокой лампы, он был еще великолепно Озириса!

Она также показалась ему Изидою, ступившею на землю по зыбкому лунному лучу со всем могуществом и очарованием своего небесного сана.

Лунолюбимая царица Микерия-Нильская Лилия робко указала ему рукою на софу. Он присел. После нескольких тревожных слов общего разговора, она боязливо спросила незнакомца о том удивительном подвиге, который желал он рассказать ей.

Апопи, — потому что, опять, это был он: зная превосходно Лабиринт по плану, он беспрепятственно проник внутрь этой исполинской громады зданий еще до заката солнца и без большого затруднения нашел удобное место для того, чтобы укрыться до вечера, а в полночь, когда воины, слуги и рабы мудрого царя Амосиса сторожили появления его у ворот и по всей окружности вала, он так же свободно, и вовсе никем не замеченный, прошел в терем царицы, — Апопи приступил к своей чудной повести. Он рассказывал так приятно, так умно, остро, весело, красноречиво, с таким чувством, с таким одушевлением, что совершенно плененная им царица забыла о наставлении солнцелюбимого родителя: она дрожала при страшных подроб-

ностях великодушного предложения и смерти покойного Ктепи, плакала при описании отчаяния бедной матери, смеялась при рассказе о встрече погонщика с царскими стражами. После окончания дивной повести, она стала расспрашивать сама гостя о разных загадочных обстоятельствах происшествия и, рассуждая о всем, что к нему относилось, с удовольствием продлила бы беседу до самого утра. Но вдруг, в одно из самых восхитительных мгновений этой беседы, воображению лунолюбимой царевны Микерии-Нильской Лилии предстал, со всем своим ужасом, наказ великих богов о слепом повиновении центру всей подлунной мудрости. Она побледнела. Все мысли перемешались в ее голове. Невидимая, но жесткая рука долга толкнула ее на незнакомца. Она ухватилась за его руку и безотчетно, без намерения, почти без памяти, вскрикнула слабым голосом:

— Это он!... это он!...

Отчаяние вспыхнуло в груди ее вместе с этим безотчетным совершением предательства. Но оно должно было тотчас уступить место изумлению и испугу. Быстрее стрелы незнакомец исчез с софы: он только мелькнул перед глазами Микерии, с отвагою гиганта бросаясь в ее спальню, чтобы спрятаться прямо под золотую кровать дочери земного солнца, и она даже не заметила, что рука его осталась в ее руках. Но когда, почти в то же самое мгновение, в комнату торжественно вкатилось само земное солнце, со множеством вооруженных людей и зажженных факелов, невозможно было вдруг не опомниться: толстая, жилистая, косматая мужская рука, оторванная по плечо, торчала в ее мягких, маленьких ладонях, между тем как таинственный владелец этой руки положительно лежал в другой комнате под кроватью... а может быть, и на кровати!

— Где же он? — с удивлением спросил мудрый царь Амосис, не видя никого чужого в комнате.

— Убежал!... вот в эту сторону!... в сени!... — отвечала она в страшном замешательстве, но с большим присутствием духа, указывая на дверь, совершенно противоположную спальне. — Бегите!... ловите!... вы поймаете его на дворе.

— Бегите все поскорее! — закричал мудрый царь Амосис. Обыскать весь Лабиринт! Теперь уж он не ускользнет, — продолжал царь, оставшись один с дочерью, — из моего Лабиринта никому нет выхода; кто сюда попал, тот пойман непременно.... Это что такое у тебя?

— Это его рука, — робко отвечала царевна.

— Как может быть его рука?

— Подлинно, собственная рука его.

— Какие пустяки!

— Уверю вас, батюшка. Я, по вашему мудрому наставлению, схватила его руку, и рука вдруг оторвалась. Он убежал в сени, а рука осталась у меня в горсти.

— Великие боги!... что это значит! — воскликнул мудрый царь Амосис, взяв ночник со стола и с крайним любознательством рассматривая руку необъяснимого посетителя, но не дотрагиваясь до нее, как до нечистой вещи. — В самом деле, это — рука!... и какая здоровая!... И она так, вдруг оторвалась?

— Как лоскуток папируса, батюшка!

— Клянусь священным фивским крокодиллом, в целом мире нет народа чудеснее моих Египтян! Что за удивительные люди! голова, рука, нога у них — нипочем!... мешает? — они бросают ее, как старую тряпку, и идут своим путем далее! Поддеть, провести, надуть... надуть хоть самого меня, который всех надуваю... это уж их дело! Мастера, нечего сказать! Удивительно ли, после этого, что у нас бывают такие мудрецы, которые собственными глазами видят, как земля вертится кубарем и летает около солнца?

Посланные воротились с докладом, что беглеца нигде не найдено. Мудрый царь Амосис рассердился на верных слуг своих и прогнал их искать снова.

— Болваны! ничего не смыслите!... — закричал он еще вдогон за уходящими. — Этот плут принял другой вид, вот и все тут! Осмотреть всех до одного людей в целом Лабиринте: пусть каждый покажет свои обе руки, и у кого одной не хватит, того молодца сейчас привести ко мне. Поняли ль вы?

— Слышим, И рады повиноваться.

— Пойдите!... Только, смотрите же, не брать его ни за остальную руку, ни за голову, ни за ноги, потому что сейчас оторвутся, и он ускользнет из ваших лап, как угорь. Понимаете ли?

— Понимаем.

— Ступайте, ослы!.. ничего не понимаете! Вам должен я толковать все, как детям. Сами ничего не догадаетесь!..

Мудрый фараон с досады принялся теперь, наоборот, жаловаться на непостижимую тупость этих тюленей, черепашек, Египтян, и подробно доказывать дочери, что без него, земного солнца, без его ума и пронизательности, они бы не знали, как ступить ногою, а без его неисчерпаемых щедрот все через неделю перемерли бы с голоду.

Посланные снова воротились. Под великою клятвою они, все одногласно, утверждали, что чужого никого нет в Лабиринте, и что у всех решительно имеется налицо по две руки.

— Ну, так уж это, видно, был сам Тифон, сам черт! — сказал озадаченный до крайности мудрый царь Амосис, — а если не черт, так нельзя не сознаться, что, после меня, этот человек — самый мудрый и остроумный малый из всех Египтян!... Клянусь рогами Аписа, и святым ликопольским волком, и бессмертною сиенскою кошкою, и клювом ибиса, вестника Изиды, что я ему прощаю!... и отдаю ему в супруги мою возлюбленную дочь, лунолюбимую Микерию-Нильскую Лилию, царевну Верхнего и Нижнего Египта, Нубии, Мерои, Абиссинии, Ливии!... если только он ей понравится... и сделаю его моим главным заместителем!.. Пусть предстанет. Я прощаю! Иначе я никогда не найду его — с такими дураками, каких великие боги дали в исполнители моих приказаний.

— Вы ни под каким предлогом не откажетесь от вашего слова, батюшка? — тихо спросила Микерия.

— Я дал клятву, — важно отвечал мудрый царь-фараон.

— В самом деле, вы никогда не сыщете его с этими людьми! — продолжала она, подходя к отцу с самою пленительною из своих улыбок. — Станемте лучше искать его мы с вами. К вашей мудрости прибавив мой женский ум, мы

тотчас откроем его где-нибудь.

Она взяла со стола ночник и повела мудрого царя Амосиса в свою спальню. Недолго нужно было делать поиски: заглянув под золотую кровать, они тотчас увидели преступника. Апопи ловко вылез из своего убежища и упал к ногам владыки.

— Дочь! — грозно сказал мудрый царь Амосис, обращаясь к Микерии. — Что это значит?.. кто у тебя под кроватью?.. Это — другой!... У него две руки!

— Это он, — твердо отвечала Микерия.

— Разве у него были три руки? — возразил фараон.

— Солнцелюбимый царь, ясное земное солнце, — покорно произнес Апопи, — третья рука не моя; она моя только по изобретению и искусству; я, от нечего делать, изобрел способ делать искусственные человеческие члены, даже полного человека, из фибр пальмового дерева, плев и жил бегемота и восковых красок, подражая в точности не только формам мускулов и природному цвету кожи, но даже мягкости и упругости живого тела.

Царь не хотел верить рассказчику, и пошел лично убедиться в истине признания. Совершенство этого подражания привело его в удивление. Он ворочал, щупал и гнул искусственную руку во всех направлениях, и, милостиво похвалив мастерство незнакомца, в глубине мудрости своей тотчас придумал для ней прекрасное место в своем кабинете любопытных редкостей.

— Однако ж... — примолвил фараон с угрюмым видом, — ты... обокрал меня!

— Никак нет, солнцелюбимый царь, — смело возразил Апопи, — я только принял смелость рассчитывать с вами по одному старому, случайно забытому долгу, который приходится нам по завещанию покойного отца. Я взял только то, что нам следовало и в чем справедливость ваша никогда бы нам не отказала... тысячу фунтов золота... по точному весу...

— Тысячу фунтов золота!... не боишься ли ты богов?... тысячу фунтов! по завещанию вашего отца! — с ужасом воскликнул царь. — Да кто же ты таков?

— Я сын верного раба вашего, Тописа.

— Тописа?... Да мы с ним, кажется, рассчитались по условию?... А впрочем, хорошо не припомню. Он так скоро умер!... Сам виноват, если что-нибудь осталось за мною. Я любил его как друга, как родного брата...

— Как скоро вы, солнцелюбимый царь, благоволите так милостиво вспоминать о верном слуге своем, то мы этим уже удовлетворены сполна. Позвольте повергнуть к стопам вашим все золото, которое мы дерзнули отвесить себе.

— Встань, мой сын !... встань! — вскричал мудрый царь Амосис с необычайною живостью, происшедшею от избытка внезапной радости. — Дай обнять себя!.. Ты еще ничего не промотал из этого золота?... Поди сюда!... я хочу прижать тебя к моему сердцу... Я не ошибся в тебе: ты — истинный сын моего верного и незабвенного друга Тописа... Великий был человек!... Так золото еще цело?... Вот это умно! Люблю мудрых и дальновидных людей... Боги внушили мне простить тебя в счастливый час... Микерия! нравится ли тебе этот молодец?

— Батюшка, — скромно произнесла лунолюбимая царевна, — вы знаете, я всегда желала посвятить жизнь свою служению святым жертвенникам, совершенствованию себя в заветной мудрости, которой мы, по нашему сану, обязаны являться зеркалом и примером для всего света, и уединенному созерцанию ее глубоких истин в тишине храмов. В мудрости сказано: число 1 — совершенство, прямая линия, истина, радость, согласие, а число 2 — несовершенство, кривая линия, ложь, ссора, война, супружество...

— Пустое! — весело перервал мудрый царь Амосис. — В супружестве, неблагоприятное число 2 недолго преобладает: через год будет 3, а это — треугольник и, опять, совершенство. Потом пойдет 4, еще большее совершенство... квадрат, душа моя!... знаешь ли, что значит квадрат?... великое блаженство! Квадрат — вовсе недурно! Я — земное солнце, фараон, центр всей подлунной мудрости с дедов и прадедов, и лучше твоего понимаю, какой род мудрости нужен молодой девушке.

— Но я боюсь, — продолжала царевна, потупив глаза, —

чтобы со мною не сбылась притча о двух каплях воды.

— А в чем состоит притча о двух каплях воды? — важно спросил мудрый царь Амосис.

— В книгах мудрецов сказано, — отвечала царевна Микерия, — что, в глубокой древности, вскоре после царствования, на пустынной еще земле, святых бытий, прозванных впоследствии богами, — когда еще не было рукозданных храмов и стопа человека, только что начинавшего собираться в племена, еще не везде измяла первые и самые блестящие цветы природы, и рука его еще не расхитила богатств, щедро рассыпанных по лицу стран, — у первых порогов Нила, там, где проходит тропический круг и лежит, теперь плоский, остров Филон, возвышалась огромная яхонтовая гора, а в горе той была большая пещера, чудно освещенная мерцанием алмазов, изумрудов, аметистов и опалов, покрывавших ее стены и своды, а в пещере той великая богиня Изиды, поставив свое изображение из чистейшего золота, учредила первый храм и первые Таинства, желая исполнять при них сама должность верховной жрицы для наставления людей. В своде пещеры находилась неприметная трещинка, и, с сотворения земли, две крупные капли влаги, тихо сочившейся из недр яхонта, две светлые и святые сестрицы, падали на пол, в ямку, выдолбленную ими в глыбе горного хрусталя у самых ног статуи, образуя перед нею природную чашу очистительной воды. Одной из двух капель, наконец, показалось это занятие слишком однообразным и вялым. Она сказала своей подруге: «Что мы тут вечно тащимся одна за другою? Это скучно!» — «Не говори этого, сестрица! — отвечала другая капля. — Грех молвить такие слова! Мы, напротив, должны почитать себя слишком счастливыми, что судьба поместила нас под этим тихим и уединенным сводом. Должность наша велика и свята: в праздник великой богини она благоволит умывать нашею водою свой жертвенник и ноги своей статуи. Мы здесь видим всю мудрость ее неисповедимых Таинств; мы в них участвуем, мы служим алтарю сестры и супруги Озириса: такой чести может позавидовать нам все его творение!» — «Как тебе угодно, — сказала первая капля, — а это очень

скучно! Виси по целым часам под этим сводом, откуда век не увидишь ни солнца, ни луны, наливайся, дрожи, напрягай свои бока и — потом что? — кань смиренно в ямочку! Велика потеха! Слышишь ли, как шумит Нил? как он клочечет между гранитами? как гордо толкает скалы? как весело катается по ним каскадами в этих порогах? В других местах, говорят, он, разлившись в гладком, покойном русле, торжественно течет светлым и широким зеркалом: солнце, луна и звезды глядятся в нем с наслаждением; днем ходит в золоте, ночью спит в серебре. Великий Океан с нетерпением ждет прибытия прекрасной реки в свои хрустальные чертоги и, с восторгом, принимает славную невесту в исполинские объятия. Нил счастлив!... Путники из дальних стран бегут любоваться на него как на диво. Племена, которых земли потопляет он ежегодно своими струями, разнося по ним плодородие, строят ему храмы и поклоняются как богу. А чем он лучше нас? Что такое Нил, скажи пожалуйста? откуда он взялся? из чего так вырос?... Из такой же капли воды, как мы с тобой, любезнейшая сестрица! Вот мы служим великой богине уже с лишком семьдесят тысяч лет: какую мы за это получили награду? Неужели не может она, за наше верное служение, сделать нас реками? Попросим ее, сестрица!» — «Нет, я не желаю быть рекою, — сказала другая капля. — Злой Тифон усеял землю коварством и горем. Свет наполнен опасностями и бедами. Вне тихой ограды храма, куда гадкое начало зла не смеет проникнуть, нет настоящего счастья. Я люблю уединение, благочестие и мудрость. Я боюсь осквернения. Хочу быть всегда чиста. Я останусь здесь, и буду служить великой богине». — «А я хочу в свет! — возразила первая капля. — Хочу жить, шуметь, прыгать, кататься на волнах, отражать солнце, луну и звезды, одеваться в золото и серебро, шевелить твердые скалы, рвать преграды, потоплять обширные страны и, восторжествовав над всем, броситься в объятия моря, успокоиться и блаженствовать на его могучей груди. Хочу, чтобы меня видели, чтоб все удивлялись моей красоте, чтобы мне поклонялись, обожали, боготворили меня; когда я милостива, — чтоб свет был весел и счастлив; когда я не в

духе и уменьшаю мои благодатные струи, — чтоб он был в отчаянии... Великая богиня! услышь мое горячее моление: пусти меня в свет и позволь сделаться рекою!» Богиня услышала честолюбивую каплю и тотчас исполнила ее желание. Недовольная своей завидною судьбою капля, прямо с яхонтового свода, упала далеко от святой пещеры в траву. Она тотчас начала шевелиться, слясь двинуться вперед. Бедный муравей попался ей навстречу: она потопила его и, гордая этим первым подвигом, пошла далее, стараясь прибирать к себе справа и слева серебряные капли росы, висевшие под листочками трав. Вот уж она сильнее стакана воды. Из-под камня вытекает тоненькая струйка: она прихватывает ее и, подцепив, тащит с собою. Несколько других струек попадает ей на пути: она уже силою захватывает их; и вот наша капля — ручеек. По ней плывут сухие листья и даже сучки. Лягушки приходят в ней купаться. Нубийская царевна, которой загородила она дорогу, принуждена поднять свою золотую юбку и брести в воде черными ножками по самым лодыжкам. «Вишь, как она высоко поднимает юбку!... меня уже боятся!» — думает про себя капля с тщеславною радостью. Ручейку, на дальнейшем пути, удастся покорить себе десяток ручейков поменьше и добиться до величины речки. Капля слышит, что в Эфиопии речкам привольно, потому что весною падают там сильные дожди. Она поворачивает на юг. Солнце жжет, палит, сушит ее скудную водицу; песок глохнет ее со всех сторон; стаи птиц и диких зверей расхищают последние ее запасы; однако ж, с горем, с болью, сквозь тысячу бед и опасностей, тощая, оборванная, нищая, доползла она до обетованной страны. Там долго еще ждала она подаяния от скупых облаков. Наконец собрались тучи, и полилась со страшною силою небесная вода: в три дня, наша капля поднялась горою, сделалась потоком, и, с шумом, выступила из берегов. «Вот я сейчас наводню собою всю Эфиопию, — думает она, — распахну по этой пыльной земле сокровища плодородия; люди воздвигнут мне алтари, и я попаду в славные богини». Дожди льются. Воды стремятся со всех возвышений к счастливой капле. Поток ее клопочет еще страшнее Нила у сиен-

ских порогов: она мчит камни, рвет деревья с корнем, разрушает насыпи, вторгается внезапно в ближайшие долины и стелется по ним широкими озерами. Ночью потопила она улус бедных негров, которые беспечно спали у своего родного источника, не ожидая подобного посещения; на другой день похитила стада богатого племени; далее, снесла несколько деревень и даже залила один городок. Она достигла цели своих желаний. Но счастлива ли она?... Юрты, бараны, верблюды, мертвые человеческие тела плавают по ее мутной и грязной поверхности, но, изредка только, где-нибудь в луже, оставленной за скалою, удастся ей отразить солнце, луну или одинокую звездочку. Люди и звери с ужасом, с омерзением, бегут ее как злого духа. «Ничего! — говорит капля, — я скоро доплыву до великого моря. То-то удивится! Какое будет торжество!... как море обрадуется прибытию юной и богатой супруги, посылаемой ему судьбою! как оно будет весело! Всю эту дрянь, что плывет на моих струях и заражает их, я подарю его золотым рыбам, которые станут благословлять меня. Конец концов, рыбы умнее людей!» Утешив себя этими лестными размышлениями, она гордо стремится вперед. Но море далеко, пустыни велики, пески голодны, солнце могущественно. Чем далее подвигает она свой поток, тем приметнее уменьшаются его воды. Потом, приходит лето и начинает дуть знойный, удушливый хамсин: в три дня иссякли источники, раскаленная земля запылилась, воды улетели в воздух или ушли в недра земли. Из страшного потока осталась снова только одна капля, в сырой и темной дыре под камнем. Вместо воздаяния божеских почестей, люди прокляли ее память. Змея, умирающая от жажды, приползла к ней медленно, устремила в нее свой ядовитый взор и уже высунула скверный язык, чтобы поймать и проглотить. Капля ужаснулась, и закричала с отчаянием: «Великая богиня! спаси свою старинную служительницу от этого лютого гада!... возврати меня в тихую и безопасную ограду твоего святого храма! смилуйся над бедною каплею! не хочу быть рекою...» Милосердая Изида не оставила несчастной странницы: в одно мгновение, с краю заслуженной гибели, грешная капля, прощенная и очи-

ценная волшебством ее от всех осквернений, была перенесена снова в яхонтовую пещеру и повисла под мерцающим сводом, среди изумрудных и опаловых кристаллов. «Где же моя добрая, благочестивая сестрица? — спросила у них честолюбивая жертва мирской суеты. — Я нигде не вижу ее!.. что с нею случилось?.... разве и она также пошла удивлять свет собою?» — «Нет, она здесь, — отвечали разноцветные соседи, — за свое смирение, за свою верность алтарю, она получила удивительную награду!» Действительно, в отсутствие ветреной подруги, оставшаяся под яхонтовым сводом скромная капля воды сгустилась, отвердела и стала великолепным алмазом. В эту минуту она уже сияла дивным блеском на челе золотой статуи Изиды. Богиня сама, своей бессмертной рукою, украсила ею свое святое изображение. Повествуют, о! солнцелюбимый царь-батюшка, что это — тот же самый знаменитый алмаз, который еще и в нынешнее время озаряет таинственную темноту святилища великой богини в главном храме острова Филон, воздвигнутом нашими великими предками на месте яхонтовой горы, разломанной и расхищенной нечестивыми Нубийцами при царе Мейесе. Золотая статуя с алмазом, говорит местное предание, была унесена Изидою на небо и, впоследствии, явилась сама в рукозданном храме.

— В этой притче, — сказал солнцелюбимый царь Амосис, когда прекрасная Микерия кончила рассказ, — в этой притче содержится великая мудрость!.. Уединение и созерцательная жизнь в безмятежной тишине храмов... поистине... дело недурное! Боги всегда награждают своих верных поклонников, стремящихся к мудрости и совершенству. Но — какая же цель твоей притчи?... Из твоего рассуждения я заключаю, что, коротко сказать, этот молодец тебе не нравится и что ты решительно хочешь...

— Этого я не сказала, батюшка! — быстро подхватила лунолюбимая царевна Микерия-Нильская Лилия. — Я только желала вам представить, что настоящее совершенство — единица, что она — символ разума, которым люди должны руководствоваться, и что число 2...

— Поэтому ты и хочешь остаться на всю жизнь едини-

цей? — перервал мудрый царь Амосис. — А я так, в свою очередь, боюсь, чтобы с тобою не сбылась притча о том, как некогда из единицы вдруг вышло два!

— А в чем же состоит, — с любопытством спросила царевна, — притча о том, как из единицы сделалось два?.. Я нигде ее не читала.

— Ты и не могла читать ее, — отвечал мудрый царь Амосис, — потому что она писана в глубочайшей древности самими старинными иероглифами, которых смысл теперь потерян. Не знаю даже, поймешь ли ты ее: ужасно глупомысленная!... Сущность ее основана на том, что, примером сказать, у палки — два конца. Это — самая высокая мудрость, самая заветная тайна, которая открывается только нам, фараонам, земным солнцам, и одни мы хорошо ее понимаем. Но я могу дать тебе приблизительное понятие об этой удивительной истине. Слушай меня хорошенько. Палка — единица: не правда ли? Но если бы она была совершенная единица, то двух концов не могло бы существовать у нее!... У совершенной единицы должен быть только один конец. Так ли?... Зачем же у палки два конца? Затем, что она, собственно, состоит из двух палок. Найди середину ее тяжести и положи ее этим местом на своем пальце: она не перевернется и не упадет ни в ту, ни в другую сторону. Одна половина палки совершенно равновесна и равносильна другой половине. Значит, тут — не одна палка, а две, совершенно равные, и они только соединены, слиты друг с другом, двумя концами, обращенными внутрь, тогда два внешние конца остаются свободными. Значит, у всякой палки, по-настоящему, четыре конца, а не два. Видишь, как это глубоко! Тайны мудрости богов неисповедимы.... Простым глазом мы видим только два конца у палки, но умственным оком мудрец видит их ровно четыре, и тогда-то понимает он, каким образом развились из единицы все прочие числа и как действовали бытия при создании всего существующего. Всякая единица состоит, следовательно, из двух единиц. Этого для тебя довольно. Теперь можешь слушать притчу. До проявления Озириса и Изиды и сотворения мира, существовал, как тебе известно, только один Разум. В Разуме за-

ключалась Воля. Они составляли единицу. Разум был один конец палки, а Воля другой, или, все равно, две палки, слитые в одну. Они не могли никак перевесить друг друга, и оба оставались в бездействии: в пространстве не создавалось ничего!... Разуму надоело это положение. «Отделюсь я, — думает он про себя однажды, — от этой упрямой Воли! Я — разум, у меня есть разные чудесные соображения. Мне стоит только быть совершенно свободным: и стану я созерцать да думать, и приведу всю мудрость в действие, и построю нечто удивительное. Но здесь я никак не останусь: нас будет двое, родится число 2, начало зла, лжи, кривизны, несовершенства, ссоры; оно все мне перепортит. Я полечу вдаль по беспредельной тьме, чтоб всегда быть единицей и действовать во всем с полным единством». В то же время, Воля точно так же рассуждала с своей стороны. «Я — воля, — говорит она себе тихомолком, — у меня — бездна прихотей, одни затейливее других. Зачем мне вечно корпеть здесь с этим тяжелым Разумом? И я тоже полечу себе вдаль по тьме... с ним уж, конечно, не останусь!.. явится число 2, будет беда!... Там, стану я действовать по моему произволу, исполнять все свои капризы, и мне будет весело. Где-нибудь, в удобном месте, я создам такие чудеса, которые Разуму и во сне не снились». Как они составляли единицу, то, чтобы понять друг друга, договоры и объяснения были не нужны. «Ну, так разойдемся! — сказали оба они в одно слово. — «Ты погнишь немножко вот в эту сторону, — присовокупил Разум, — я сделаю то же, и мы переломимся». От первого соединенного усилия, великая единица лопнула. Разум и Воля разорвались, и Воля тотчас помчалась. Отлетев на некоторое расстояние, она, однако ж, оглянулась назад: ей желательно было удостовериться, в которую сторону отправился Разум, чтобы с ним опять где-нибудь не столкнуться. Смотрит она, и видит — что это такое? — Разум не трогается с места! Она возвратилась к нему и спрашивает: «Зачем ты лежишь здесь?... ты хотел лететь вдаль». — «Не могу пошевелиться, сестрица... воли никакой во мне не имеется. Толкни меня, пожалуйста, хорошенько!» Воля дала ему толчок изо всей мочи, и Разум полетел во тьме,

по направлению пространства, а Воля полетела по направлению времени. Пространство и время, любезнейшая дочь моя — те же два конца одной палки. Прошли века: Воля много напроказничала; она, поминутно, то создавала какой-нибудь странный мир, то уничтожала его, то починивала полуразрушенный, то бросала неконченный и начинала новый. После бесчисленных опытов, в которых не было никакого толку, утомившись, пожелала она посмотреть, как действует Разум, по каким законам производит он постройку миров в своей стороне. Она полетела по направлению пространства и вскоре нашла Разум. «Что это? — вскричала Воля с крайним изумлением. — Ты спишь? ты ничего не сделал?... ты же хотел развернуть всю мудрость, созерцать, думать, выдумывать, сочинять удивительное!» — «Ничего не думается, сестрица! — печально отвечал Разум. — Не знаю, о чем и думать!... нет никакого желания! Пока составляли мы единицу, ты рассуждала мною, разумом, я желал тобою, волею: мы разошлись, и мне ровно ничего не хочется без тебя; а ты, я думаю, ничего без меня не смыслишь?... Вот и начало зла, сестрица! Мир еще не создан, а зло уже создалось само собою. Я обдумал одно только, а именно, что мы очень не хорошо сделали, уничтожив наш союз. Как бы мы теперь ни удалялись друг от друга, мы уже — двое, число 2 родилось, и зло существует. Будем ли бегать или искать друг друга, это дела не исправит: зло во все будет вмешиваться, потому что я и ты 2». Смотри, дочь! — сказал мудрый царь Амосис, глядя в глаза царевне. — Смотри, чтобы и твой разум, лишись воли и всех желаний, не заснул в бездействии!... чтобы уединение, о котором ты столько мечтаешь, не сделалось для тебя источником скуки и горя: зло, с тех пор, присутствует в мире повсеместно...

— И нет средства оградить себя от него? — спросила царевна.

— Как не быть средству! — отвечал мудрый царь Амосис. — На то — мудрость! Надо поступить так, как поступили Разум и Воля после неудачного опыта жить в уединении.

— Как же они поступили, батюшка?

— А вот как, любезная дочь моя, Микерия-Нильская Лилия. Когда Разум сказал Воле, что число 2 уже создано из единицы и необходимо будет примешиваться ко всему, Воля, точно так же, как и ты, спросила: «Как же быть? разве нет средства оградиться от зла?» — «Одно только есть средство, любезнейшая сестрица, — отвечал Разум, если не совсем оградиться, по крайней мере уменьшить его действие, и оно состоит в том, чтобы мы жили вместе, как подобает числу 2, и общими силами произвели 5, которое пополнит нас и составит треугольник, новое и еще высшее совершенство». — «Как же это сделать, любезнейший братец?... я готова! — сказала Воля. — Научи!» — «С моим удовольствием, — продолжал Разум. — Я буду муж, а ты будь жена, и мы произведем чадо». — «Что же это будет за чадо?» — спросила Воля. — «Это будет Любовь, — сказал Разум, — без Любви мира создать не возможно; одна она может умерить и усладить зло, нераздельное с условиями существования. Мы, конечно, будем с тобой иногда ссориться, потому что мы 2, две единицы, но Любовь примирит нас, и все пойдет ладно. Когда, через рождение Любви, создастся число 3, то 3 да 1 (наша первоначальная единица) произведут 4, квадрат; 3 да 2 составят 5, половину десятка; 4 да 2 дадут 6, или куб, и можно будет тотчас приступить к созданию мира на правильных и твердых законах. Из этих первоначальных чисел разовьются все прочие. Нужна только Любовь!.. Примемся, сестрица, за дело». — «Изволь, — сказала Воля, — я люблю всякую новость и не прочь от опыта». Разум и Воля поцеловались, и родилась Любовь*.

— Удивительная притча! — сказала лунолюбимая царица Микерия-Нильская Лилия. — Великая мудрость скрывается в ее словах!

— Да! — примолвил солнцелюбимый отец. — Мудрость любви — великая мудрость!... Тебе следовало бы изучать ее предпочтительно.

— Я уже немножко знаю ее.

* Eros — орфических Таинств.

— Как так?

— Я привыкла всегда слепо повиноваться вашей воле, — прошептала, краснея, лунолюбимая царевна Микерия-Нильская-Лилия.

— Дело! — воскликнул царь, и оборотился к незнакомцу.

— Видишь, любезнейший, какая у меня умница дочь?... Вот она тебе — жена, по обету моему бессмертным богам. Как твое имя?

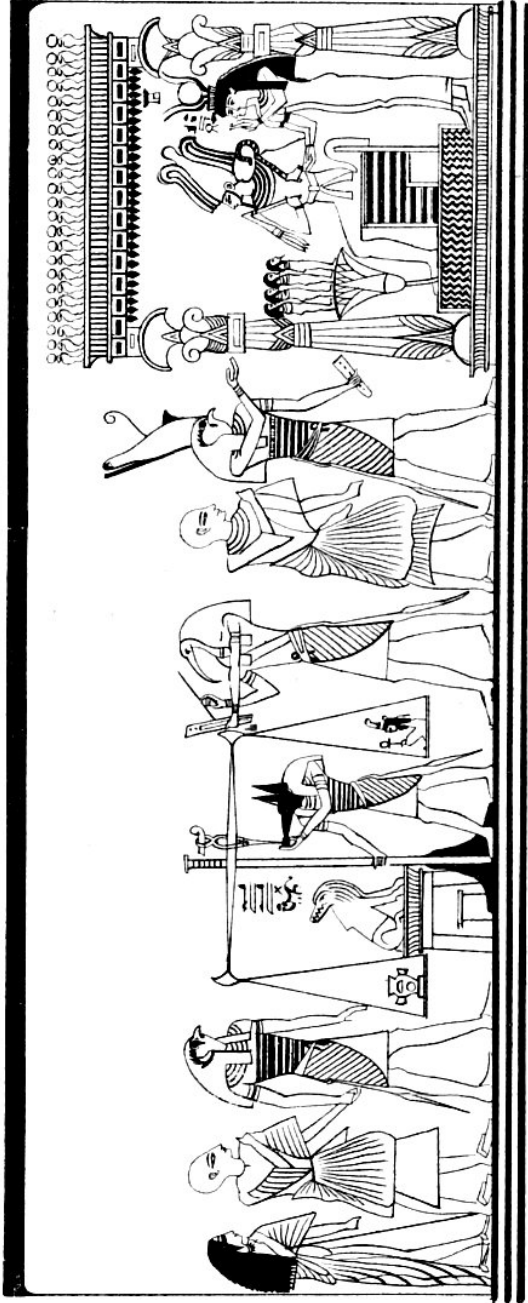
— Апопи.

— Да будет произнесено в счастливый час. Ну, Апопи, мой высокостепенный зять! садись теперь передо мною и рассказывай без утайки, как ты умудрился, чтобы пробраться в мои недоступные кладовые, кто был этот человек без головы, и прочее.

Апопи начал рассказывать с совершенною откровенностью. Царь, слушая его, поминутно вскрикивал: — «Удивительно!.. удивительно!» — и, в заключение, объявил торжественно, что, после него, Апопи — действительно — самый остроумный из всех Египтян, которые, как известно, остроумнее всех народов в мире.

— Но вот чего я не понимаю в твоём поведении! — при-
совокупил мудрый царь Амосис. — Ты знал, по слухам или по предчувствию, что я желаю наказать тебя примерно и нещадно: как же осмелился ты прийти ночью, впотьмах, один, в мой дворец, в мой страшный Лабиринт, чтобы дерзко тщеславиться своими хитростями перед собственной моей дочерью? Очень умно ты предугадал, что моя лунолюбимая дочь действует по моему наставлению, и, следовательно, мог быть уверен, что, в месте без выхода и без всякой возможности к скорому побегу, тщеславие твое неминуемо кончится для тебя погибелью; что тут нет спасения...

— После утренней попытки, от которой не предвиделось никакой особенной беды, — скромно отвечал Апопи, — я сообразил в ничтожном уме своем, о! мудрый царь, что когда женское любопытство возбуждено до такой степени, что молодая девушка согласна удовлетворить его с глазу на глаз без дневного Ока, так тут не предстоит боль-

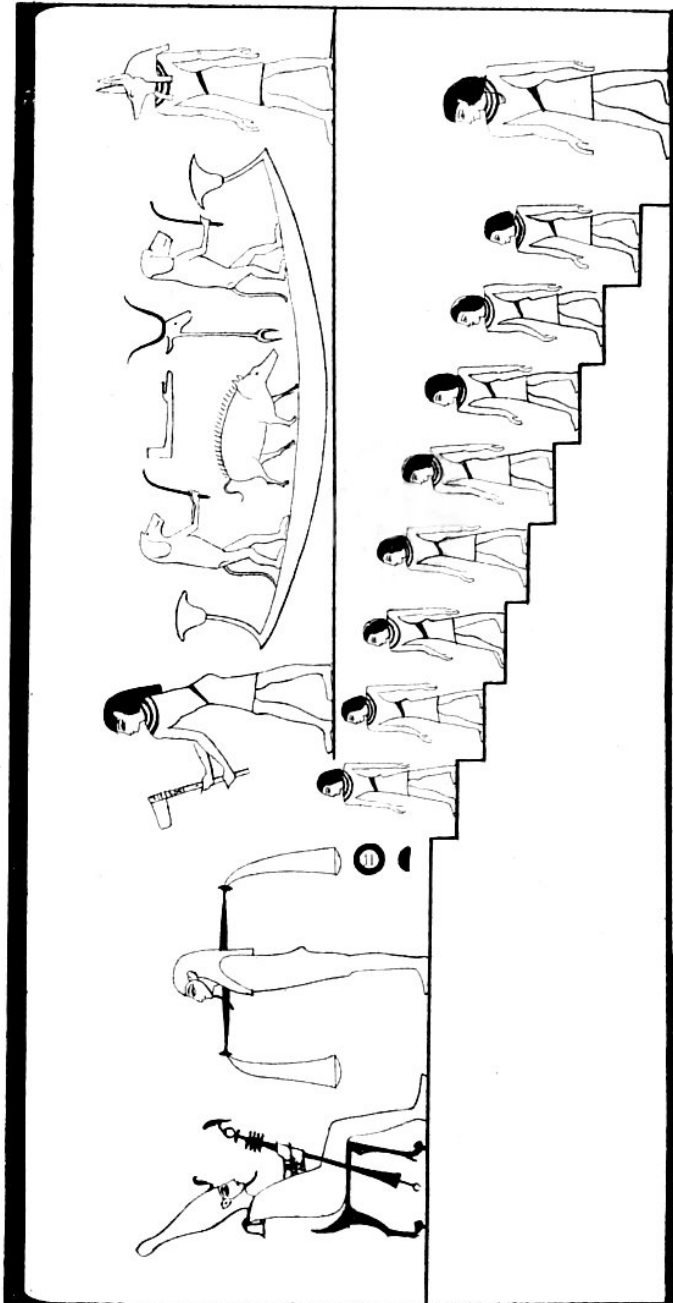
шой опасности рассказчику: в нужном случае, сама она спасет его.

— Правда! воскликнул мудрый царь глубокомысленно. — Правда!... женское любопытство!... совершенная правда!... Эх, Тифон возьми! я — центр всей подлунной мудрости, и не сообразил такой простой вещи!... простой до глупости!... Вспало же мне на разум вверить успех своего дела распаленному женскому любопытству!... Оно-то и есть число 2, источник всего зла в мире. Нет, ты остроумнее даже самого меня, который, бесспорно, остроумнее всех Египтян, которые... как это уж доказано... самый остро.

* заслуживает замечания

. ста. вместо. некоторым обра-
. оре после великолепной свадьбы
. амой счастливой жизни
. дети
. альнейшие
. лупости
. не стоит говорить
. вскоре после кончины мудрого царя Амо-
. великое прискорбие и неуго-
.
. скончалась
. суд страшного Озириса
. идно на двух приложенных картинках
. нь любопытно
. дрого царя Амосиса представ-
ляет Озирису сам Амун-Ра, Невидимое Солнце, а Анубис-
Душевод весит на весах его добрые и злые дел

* В этом месте начинаются большие пропуски, достойные всего нашего сожаления. Конец папируса истлел от времени, а уцелевшие части изорваны в лоскутки варварскими руками.

необыкновенную строг
за Озирис
стоит Изид
было бы
скуч. на другой
..... Озирис сидит
..... главный наместник
..... ря Амосиса в образе мумии
.. тот самый Апопи грехи положены на весы
..... плечи. Адские духи на ступенях
..... рубит голову грешнику
..... в Аменти
.... по закону душепереселения.
..... душу наместника мудрого Амо.
..... обратно везут на зем
..... в образе нечист живот
..... и проч
.....

БАРОН БРАМБЕУС.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Б. п. [Сенковский О. И.]. Сто русских литераторов. Издание А. Смирдина. Санктпетербург, 1845 (Библиотека для чтения. 1845. Т. LXXI. Отд. V. С. 43-44, 50).

Автор придал своему сочинению форму переводного погребального папируса, и мы хотим верить ему на слово, когда он убеждает своих читателей в коротеньком предуведомлении, что подлинные египетские рисунки, обильно рассыпанные на страницах этого труда, составляют «не только его типографическое украшение, но, может быть, и все внутреннее достоинство». Не входя в разбирательство дел означенного барона, мы заметим только, что сущность его рассказа состоит в совокуплении примечательнейших черт, сохраненных греческими и латинскими писателями об истории, религии, *мудрости* и нравах Египтян, и связании их действием в легкое и драматическое целое. Автор старается знаменитую «египетскую мудрость» сблизить с метемпсихическими философиями нынешнего Востока и ими объяснить то, что из этой загадочной мудрости, облекавшейся глубокою таинственностью, осталось в обломках пифагорейских теорий и в бессвязных указаниях писателей позднейшей древности. В какой степени успел он в этом, не наше дело судить: эту обязанность отклоняем мы от себя по весьма уважительным причинам, которые не нужно даже и излагать. К сожалению или к счастью читателей, автор выпустил из этого труда одну из главных частей его, именно, все относящееся к *Scientia sacra*, то есть к химическим теориям и производствам посвященных в «мудрость», считая подобные разыскания слишком скучными для нас, «храмной толпы», и заменив их простою выноскою, в которой сказано общими словами, в противность принятому мнению, что *хемия*, *алхимия* или *Scientia sacra* точно так же была основана на египетской теории эфира, как и метемпсихоза, поклонение некоторым животным и прочие египетские верования. Известно, какую важную роль играли числа в египетской мудрости и у питомцев ее, Пифагора и Платона: для примера, чтобы показать, как автор понимает участие чисел в запутанных отвлеченностях храмовой философии, мы выпишем конец его повести. Царь Амосис предлагает дочери своей, Микерии, жениха, которого она уже тайно любит. Следовательно, Микерия начинает жеманиться. <...>

Теперь вопрос состоит в том, как мудрым читателям понравится эта метода превращать в шутки самые темные задачи древней космогонии, самые спорные статьи таинственной науки жре-

цов о бытиях (entia) и числах: в глазах некоторых важных мужей, почитающих скуку драгоценнейшим достоянием учености, это может составить ужасное преступление. Но барона Брамбеуса давно уже обвиняют в том, что он охотник сочинять шутку: так уж один лишний грех — для него не в счет.

Действие повести его происходит во время Троянской войны.

В. Каверин. Из кн. «Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» (М., 1966).

Точно так же, как «Фантастическим путешествиям» предшествовали действительные путевые дневники, ироническим восточным повестям предшествовали написанные Сенковским в молодости, совершенно серьезные, полупереводы восточных повестей, в которых не было и тени иронии («Бедуин», «Витязь булагского коня», «Истинное великодушие», «Бедуинка», «Антар» и др.). Я назвал эти повести полупереводами. Стоит отметить, что тогда еще он не пытался перевести так, как он делал это в 40-х годах, когда он называл Ахилла — *Ахиллом Пелевичем*, а Андромаху — *Мужетузихой*, уверяя читателей, что просторечие (он считал «Одиссею» и «Илиаду» простонародными эпопеями) какого бы то ни было языка может быть переведено только на просторечие другого языка.

В 20-х годах он был в этом отношении скромнее. Боковая, случайная линия Сенковского-ориенталиста, эти первые восточные повести еще не были для него литературой в точном смысле этого слова.

Здесь не было еще контрастов, противоречий иронических восточных повестей, возникших после создания «Библиотеки для чтения», продолживших и углубивших высокоученую критику от имени «*торговца яфбским мылом в Гостином дворе*».

Подражание научным источникам лежит в основе композиции этих повестей. Научный материал, который десять лет назад заинтересовал бы Сенковского-ориенталиста своим историческим, лингвистическим или археологическим значением, явился для него в этих повестях предметом легкомысленной имитации. «Похождения одной ревижской души» подражают монгольской шаштре, «Микерия-Нильская Лилия» — египетскому папирусу, «Совершеннейшая из всех женщин» — китайскому роману.

Это был редкий случай заимствования у научного материала не сведений, но стиля, не документальных данных, но принципа построения.

Смысл этого заимствования был, разумеется, не в том, чтобы попытаться привить русской литературе жанр египетского папируса или китайского романа. Смысл был в том, что, вводя в монгольскую шаштру или египетский папирус намеки на современников, полемику со своими учеными противниками или фельетонные остроты, Сенковский сталкивал глубоко чужеродные мате-

риалы. Это давало возможность делать самые неожиданные сопоставления; они были тем неожиданнее, чем дальше отстоял от современности тот или иной объект псевдоученой имитации. Так построена «Микерия-Нильская Лилия». Чтобы не терять времени и места на изложение этого «египетского папируса, найденного на груди одной мумии в фивских катакомбах», без сомнения, почти никому не известного в наше время, я прямо приведу его источник*, тем более, что Сенковский внес в него незначительные изменения.

Это — рассказ, заимствованный из второй книги Геродота.

«По словам жрецов, Рамсинит был так богат и имел столько денег, что ни один из последующих царей не только не мог превзойти его в этом отношении, но даже приблизиться к нему. Для сохранения своих сокровищ в безопасности, он велел построить каменную кладовую, одна стена которой примыкала к наружной стороне его дворца. Однако архитектор со злым умыслом устроил так, что один из камней можно было легко вынимать из стены двум человекам или даже одному. По сооружении кладовой царь поместил в ней свои сокровища.

По прошествии некоторого времени, строивший кладовую архитектор незадолго перед смертью подозвал к себе сыновей — у него их было два — и рассказал им, что он сделал при постройке царской сокровищницы в заботливости о том, чтобы они жили богато. При этом отец в точности объяснил все касательно выемки камня, дал им мерку его и в заключение добавил, что, если они сохраняют его, будут казначеями царской сокровищницы.

По смерти архитектора дети его не замедляли приступить к делу: ночью отправились в царский дворец, нашли камень, который вынули без труда, и унесли с собою много сокровищ. Отворивши кладовую, царь с изумлением заметил, что в сосудах недоставало сокровищ, и не знал, кого обвинять в краже, так как печати на дверях были целы, и кладовая оставалась запертой. Когда, открывая кладовую второй-третий раз, он видел, что сокровищ становится все меньше и меньше, так как во-

* Сведения о нем имеются в одной из рецензий на эту повесть. — «Москвитянин», 1845, ч. V, № 9, отд. 1, стр. 118. Точные указания я получил от проф. С. Я. Лурье, за что приношу ему глубокую благодарность.

ры не переставали обкрадывать его, тогда он поступил так: заказал капканы и поставил их кругом сосудов с сокровищами.

Воры пришли по-прежнему, один из них пролез в сокровищницу, подошел к сосуду, но тотчас попал в капкан. Понявши беду, вор поспешно окликнул брата, объяснил ему случившееся, посоветовал тотчас влезть и отрубить ему голову, иначе, если его увидят и узнают, кто он, то должен будет погибнуть вместе с ним и брат. Тот согласился с этими доводами, поступил по совету брата и, приладивши камень, поспешил домой с головой брата. На следующий день царь вошел в кладовую и был поражен видом обезглавленного трупа в западне, тогда как кладовая оставалась нетронутою; не было в нем ни входа какого-либо, ни лазейки. Царь был в недоумении и придумал следующее: велел повесить труп вора на стене и подле него поставил стражу, обязанную согласно его приказанию арестовать и вести к нему всякого, у кого она заметит слезы или сострадание.

Когда труп был повешен, мать сильно скорбела, о чем и говорила с оставшимся в живых сыном, наконец, потребовала от него каким бы то ни было способом снять труп со стены и доставить ей; в противном случае, угрожала мать, она пойдет к царю и откроет, что сокровища у ее сына. Вообще мать сильно нападала на оставшегося в живых сына, и увещевания его не успокаивали матери.

Тогда он пустился на такую хитрость: снарядил несколько ослов, навьючил на них полные мешки вина и погнал. Подошедши близко к повешенному трупу и его страже, он потянул к себе свесившиеся концы двух или трех мехов и развязал их; вино потекло, а он бил себя по голове и громко кричал, делая вид, что будто не знает, к какому из ослов ему прежде броситься. Стража, при виде текущего в изобилии вина, стала сбегаться на дорогу с сосудами в руках и собирала пролившееся вино, как доставшееся на ее долю; а тот ругал то одного, то другого из них, и притворно сердился; когда стража стала утешать его, он притворился, что мало-помалу смягчается, что гнев его проходит; наконец, прогнал ослов с дороги и снова навьючил их. Стража еще больше разговорилась с ним, а один из сторожей подшучивал над ним и рассмешил его, за что и получил в подарок мех вина. Стража расположилась тут же, где стояла, и принялась пить, причем пригласила и его, предлагая остаться и пить вместе с ними. Тот послушался их и остался. Так как во время попойки сторожа обращались с ним очень ласково, он

подарил им и другой мех вина. Стража выпила много, опьянела и заснула глубоким сном на том самом месте, где пила.

Когда наступила глухая ночь, вор снял труп брата, а всей страже в знак поругания остриг правую бакенбарду; труп положил на ослов и погнал их домой, исполнивши таким образом повеление матери. Царь вознегодовал, когда ему объявили, что труп вора украден. Желая во что бы то ни стало открыть виновного в этих проделках, царь, чему я впрочем не верю, употребил следующее средство: родную дочь он поместил в публичном доме и приказал ей допускать к себе одинаково всех мужчин, только прежде заставляя каждого сказать ей, что в своей жизни он сделал самого хитрого и бессовестного; кто из них расскажет ей происшествие с вором, того она обязана схватить и не отпускать. Девушка действительно поступала так, как приказывал ей отец; но вор дознался, зачем все это устроено, и порешил перехитрить царя.

Поступил он для этого так: отрезал у свежего трупа руку по плечо, спрятал ее под плащ и так вошел к царской дочери. В ответ на вопрос, предложенный ему так же, как и прочим мужчинам, он рассказал, как бессовестнейший поступок в своей жизни, тот случай, когда отрезал голову брату, попавшему в капкан в царской сокровищнице, а самая хитрая проделка его состояла в том, что он напоил стражу допьяна и снял висевший труп брата. При этих словах девушка схватила его, но вор, пользуясь темнотою, протянул ей мертвую руку; та схватила руку и крепко держала в уверенности, что у нее рука нужного ей мужчины; между тем, вор, оставивши руку, выбежал в двери. Когда царю донесли о случившемся, он изумился изворотливости и дерзости этого человека и, наконец, велел по всем городам объявить, что он дарует безнаказанность этому человеку и обещает ему большие подарки, если он только предстанет пред царские очи. Вор поверил обещанию и явился к царю. Рампсинит восхищался им и выдал за него дочь, как за умнейшего из людей; египтян он считал мудрейшим из народов, а этого человека — мудрейшим из египтян»*.

Вероятно, цензурные соображения заставили Сенковского заменить публичный дом состязанием женихов Микерии в хитро-

* Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко, т. II. М., 1888, стр. 113-120.

сти и остроумии. Некоторые страницы «папируса» взяты из соседних глав той же второй книги Геродота. Таковы сведения о пребывании в Египте Елены Прекрасной, которые следуют за длиннейшим изложением пифагорейского учения, послужившего началом «свитка, положенного на грудь бранным останкам лунолюбимой великой царицы Микерии-Нильской Лилии, дочери покойного солнцелюбимого мудрейшего царя Амосиса, фараона, сиречь — земного солнца, прямого истечения Солнца небесного». Свиток украшен египетскими рисунками, взятыми (по указанию С. Лурье) из книги Вилькинсона («Manners and Customs of Ancient Egyptians»), вышедшей в середине 30-х годов, а вовсе не «снятыми с фивских памятников с сохранением подлинного стиля», как указывает в примечании автор. Это указание вызвано, без сомнения, тем принципом ученой мистификации, под знаком которой была написана вся вещь, потому что среди подлинных египетских изображений встречаются нарисованные самим Сенковским.

Таков, например, рисунок четырех фигур, означающих четыре масти на игорных картах — бубны, пики, трефы и черви, — которые вышивает царица Микерия и которыми, по уверению автора «папируса», «писана в небе книга судеб мира».

Но все же это не была мистификация в точном смысле этого слова <...> Дело было не в том, чтобы обмануть ученых египтологов. Предваряя Бернарда Шоу, Сенковский осовременивал в этой вещи быт и героев древнего Египта в целях комического эффекта, а не ученой мистификации.

Вот разговор фараона Амосиса с Еленой Прекрасной:

«Едва кончились шумные и продолжительные рукоплескания, заслуженные прекрасной артисткой, мудрый царь Амосис попросил ее сесть между ним и лунолюбимой царицею.

— Ну, что, Тиндаревна? — весело сказал он... — Извините, я должен был сказать Елена Юпитеровна.

— Знаешь ли, душенька, — продолжал солнцелюбимый царь, оборотясь к царице, — что ее маманька Леда выдает ее перед своим мужем за дочь Зевса? Или Юпитера? То есть Озириса? Эти нечистые еретики, греки, перековеркали все названия богов, которым у нас выучились! По ее словам, Юпитер, в отсутствие мужа, стал волочиться за нею в образе Лебеда, и этот добряк Тиндарей уверяет всех греков, что жена его... ха, ха, ха!.. снесла яйцо, из которого выклюнулась эта красавица.

— Но я не вижу, — сказала лунолюбимая царица Исимеи, которой задержание Елены в Египте ее солнцелюбимым супру-

гом и высылка Париса всегда казались подозрительными, — я вовсе не вижу, чтобы она была такая красавица!.. Не понимаю, что такое вы все в ней находите?

— Не говори этого, душенька, — возразил мудрый царь Амосис. — Хороша! Тифон возьми, как хороша... Ну что, Тиндаревна? — продолжал он, обращаясь к прекрасной иностранке, — какие у вас есть известия о ваших друзьях? Что делают ваши под Троей?»

Ученые комментарии сопровождают этот «египетский папирус».

Он обрывается на больших пропусках, достойных, по словам автора, «всего нашего сожаления». «Конец папируса истлел от времени, а уцелевшие части изорваны в лохутки варварскими руками».

<...> «Теперь вопрос состоит в том, — писал о “Микерии-Нильской Лилии” сам Сенковский, воспользовавшись тем, что “папирус” был напечатан от имени барона Брамбеуса, — как мудрым читателям понравится эта метода превращать в шутки самые темные задачи древней космогонии, самые спорные статьи таинственной науки жрецов о бытиях и числах. В глазах некоторых важных мужей, почитающих скуку драгоценнейшим достижением учености, это может составить ужасное преступление. Но барона Брамбеуса давно уже обвиняют в том, что он охотник сочинять шутку: так уж один лишний раз для него не в счет»*.

* «Библиотека для чтения», 1845, т. LXXI, Критика, стр. 50 [Прим. сост.: цитата дана не совсем точно].

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.